II.

На слѣдующій день.

Раннимъ утромъ 10-го ноября, задолго еще до поздняго осенняго разсвѣта, поѣздъ, въ которомъ я ѣхалъ, остановился у маленькой станціи передъ Тулой. Небо темно и мутно, тихо, безшумно и значительно передвигаются въ вышинѣ мглистыя облака. Изъ темноты выдвигаются фигуры: усталые послѣ безсонныхъ ночей и волненій, это—паломники изъ Ясной Поляны. Они сообщаютъ, что похороны состоялись уже вчера, 9-го ноября. Торопились. Народу было множество, но поспѣли къ похоронамъ почти только москвичи. Сначала отпускали экстренные специальные поѣзда, потомъ послѣдовалъ отказъ. Людской потокъ къ великой могилѣ былъ такимъ образомъ прерванъ на половинѣ, и все-таки за гробомъ, который несли на рукахъ крестьяне и студенты, по широкой дорогѣ между лѣсами исторической «засѣки» двигалась огромная толпа. Торопливость похоронъ объясняютъ требованіемъ «свѣтской власти», пожелавшей будто бы, чтобы соблазнительное зрѣлище длилось какъ можно меньше.

Но здѣсь, на мѣстѣ, въ Ясной Полянѣ это объясняютъ иначе: поторопилась съ похоронами семья по собственной иниціативѣ, вѣрнѣе,—исполняя предсмертную волю великаго покойника. «Какъ можно проще и безъ обрядовъ»,—отвѣтила, говорятъ, графиня С. А. Толстая на запросъ администраціи. И мѣстная власть осталась нейтральной, корректно, по общимъ отзывамъ, наблюдая только за внѣшнимъ порядкомъ. Другихъ инструкцій свыше пока не послѣдовало.

Однако у могилы люди близкіе къ Толстому говорятъ, будто тамъ гдѣ-то, далеко, въ Петербургѣ, на верхахъ свѣтской и духовной политики дѣло долго не выяснялось. Дипломатическіе переговоры между державой свѣтской и духовной объ установленіи общаго отношенія къ третьей моральной державѣ, представленной великими останками русскаго генія, не приходили къ опредѣленнымъ результатамъ. Правильно или неправильно, но семья будто бы считала возможнымъ, что духовная держава уступитъ настояніямъ свѣтской дипломатіи, и воля покойнаго будетъ нарушена: великій прахъ будетъ «завоеванъ» для церкви при содѣйствіи государства. Отсюда будто бы—торопливость похоронъ.

Теперь исторія эта уже закончена: на «курганѣ», надъ овражкомъ, подъ высокими дубами выросла небольшая могила, вся покрытая вѣнками. Весь день еще отъ Засѣки, лѣсными тропами и по широкому тульскому шоссе, въ одиночку и кучками подходятъ и подъѣзжаютъ люди, собираясь у этой могилы. Временами кто-нибудь затягиваетъ «вѣчную память», головы обнажаются, напѣвъ звучитъ печально и просто, потомъ смолкаетъ, и только шорохъ обнаженныхъ вѣтвей присоединяется къ такому же тихому шороху сдержанно-торжественныхъ людскихъ разговоровъ.

А по рельсамъ въ разныя стороны мчатся поѣзда, набитые людьми, и въ широкій говоръ повседневной, будничной жизни струями врываются разговоры о Толстомъ, ушедшемъ навсегда изъ этого міра въ міръ безконечной тайны и вѣчныхъ вопросовъ... Разсказываютъ о томъ, что великій русскій писатель и превосходный человѣкъ пожелалъ отправиться туда «безъ церковнаго пѣнья, безъ ладона», безъ обычнаго напутствія тѣхъ, кого вѣка и милліоны признаютъ оффиціальными властителями этого невѣдомаго міра съ его тайнами и судьбами...

Толки по этому поводу разнообразны, какъ разнообразно человѣческое море. Но въ стихійно широкій говоръ этого моря ворвалась все-таки новая нота, въ милліоны нетронутыхъ умовъ палъ новый фактъ и въ милліонахъ сердецъ шевельнулось новое чувство. Эта мысль и это чувство—терпимость.

Сейчасъ въ вагонѣ третьяго класса, который уноситъ меня отъ Засѣки и Ясной Поляны,—кто-то читаетъ стихотвореніе. Я слышу только отрывки, производящіе впечатлѣніе странное и противорѣчивое. Прошу у читающаго листокъ. Это—*Курская Быль*. Все содержаніе листка—обычно черносотенное и ненавистническое. Но даже и черносотенный поэтъ говоритъ о Толстомъ: «Вставали, какъ живыя, лица подъ золотымъ его перомъ, горѣла каждая страница, небеснымъ генія огнемъ». И хотя затѣмъ «въ душѣ кипучей борьба безумная росла и въ лѣсъ безвѣрія дремучій талантъ великій увлекла»,—но авторъ на этотъ разъ не проклинаетъ и не призываетъ на голову «отступника» всѣ силы ада. И... «за его всѣ заблужденія,—говоритъ онъ,—у милосердаго Творца да вымолятъ ему прощеніе Россіи *вѣрящей сердца*»...

Правда, это только мимолетный проблескъ, но присмотритесь: вѣдь онъ, подъ обаяніемъ великой тѣни, промчался зарницей по всей старой «черной Россіи», съ низовъ и до верху, заставивъ ее признать человѣка въ «отлученникѣ», допустить возможность Божіей милости и спасенія—безъ церковнаго посредничества и даже безъ прощенія церкви...

Правда, Толстой—геній, одна изъ высочайшихъ вершинъ человѣчества, и пока его завоеваніе—только исключительно торжество генія. Но вѣдь и солнце прежде всего освѣщаетъ высочайшія вершины, когда въ долинахъ еще залегаютъ мракъ и туманы. Однако, когда надъ мракомъ и туманами встала уже ярко освѣщенная вершина, это—доброе, ободряющее предзнаменованіе...

Вл. Короленко.

11-го ноября 1910 г.

Телеграфъ и телефонъ.

(*Отъ нашихъ корреспондентовъ*).

ПЕТЕРБУРГЪ. 13-го ноября состоялось первое дѣловое засѣданіе согласительной коммиссіи по законопроекту о старообрядческихъ общинахъ. Послѣ долгихъ дебатовъ П. Н. Дурново внесъ предложеніе объ исключеніи первой статьи законопроекта о правѣ свободы проповѣди и обсужденіи этого вопроса впослѣдствіи. По настоянію членовъ Думы голосованіе этого предложенія было отложено до слѣдующаго засѣданія. Отложена также вторая статья проекта о легализаціи общинъ. Статьи третья и четвертая, опредѣляющія понятія общины и члена общины, приняты въ редакціи Государственнаго Совѣта. По статьѣ пятой возникли продолжительныя пренія. Согласно думской редакціи община открывается при наличности 12-ти членовъ. Государственный Совѣтъ измѣнилъ число членовъ, доведя ихъ до 50-ти лицъ мужскаго пола. Съ обѣихъ сторонъ сдѣланы были нѣкоторыя уступки. Оставлено число 50 безъ указанія пола. По предложенію Караулова принято примѣчаніе въ этой статьѣ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ старообрядческое населеніе разбросано, съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ община можетъ быть легализована и при меньшемъ числѣ членовъ.

— Наложенъ арестъ на № 256-й *Русскаго Знамени*. Докторъ Дубровинъ привлекается къ отвѣтственности по 3-му п. 1034^{4}-й ст. Улож. о наказаніяхъ.

Обсужденіе проекта подоходнаго налога.

Въ финансовой подкоммиссіи по подоходному налогу были разсмотрѣны поправки о пониженіи и отмѣнѣ нѣкоторыхъ налоговъ и пошлинъ въ связи съ введеніемъ подоходнаго налога. Егоровъ предложилъ послѣ введенія подоходнаго налога отмѣнить акцизъ съ керосина и сахара и пошлину съ чая. Грабскій предлагалъ понизить въ Царствѣ Польскомъ поземельное обложеніе. Цитовичъ предлагалъ передать доходы отъ реальныхъ налоговъ по крайней мѣрѣ въ половинномъ размѣрѣ въ пользу городовъ и земствъ. Лерхе предложилъ понизить промысловый налогъ со всѣхъ предпріятій, въ томъ числѣ и акціонерныхъ, послѣ введенія подоходнаго налога. Подкоммиссія отвергла первыя три предложенія. Предложеніе Лерхе, несмотря на возраженія товарища министра Покровскаго, Кутлера и докладчика по проекту подоходнаго налога барона Черкасова, принятаго большинствомъ 6-ти голосовъ противъ 3-хъ.

Въ той же подкоммиссіи отъ имени фракціи націоналистовъ Цитовичъ заявилъ, что фракція лишь въ томъ случаѣ будетъ голосовать за введеніе подоходнаго налога, если, по крайней мѣрѣ половина поступленій отъ такъ-называемыхъ реальныхъ налоговъ, т. е. отъ обложенія земли и городскихъ недвижимостей, будетъ передана въ распоряженіе органовъ самоуправленія для соотвѣтствующаго пониженія земельнаго обложенія, причемъ Цитовичъ заявилъ, что министръ финансовъ выразилъ согласіе на такую передачу. Товарищъ министра финансовъ Покровскій, присутствовавшій на засѣданіи подкоммиссіи, заявилъ однако, что ему лично ничего неизвѣстно о согласіи министерства финансовъ на передачу реальнаго обложенія органамъ самоуправленія.

Чума.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ противочумной коммиссіей, на ст. Маньчжурія и въ пяти близъ лежащихъ поселкахъ всего заболѣло легочной чумой 410 человѣкъ, изъ нихъ русскихъ только десять человѣкъ. По требованію мѣстной администраціи экстренно выслано 7,000 флаконовъ съ лѣчебной противочумной сывороткой. Для предупрежденія распространенія эпидеміи по Забайкальской дорогѣ въ распоряженіе администраціи послѣдней противочумной коммиссіей отправлены изъ Петербурга шесть врачей.

(*Изъ петербургскихъ газетъ*).

Опять Сырокомля-Сопоцько.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ* напечатано слѣдующее сообщеніе по дѣлу бывшаго студента Императорской военно-медицинской академіи Михаила Сырокомля-Сопоцько: «Въ виду появленія за послѣднее время въ различныхъ органахъ печати сообщеній о причинахъ увольненія бывшаго студента Императорской военно-медицинской академіи Михаила Сырокомля-Сопоцько, равно и личныхъ заявленій названнаго лица, неправильно освѣщающихъ настоящій случай, сообщается нижеслѣдующее: 12-го сентября сего года Михаилъ Сырокомля-Сопоцько подалъ на имя военнаго министра прошеніе, въ которомъ заявилъ, что, будучи принятъ по личному Государя Императора повелѣнію въ число студентовъ Императорской военно-медицинской академіи, какъ Георгіевскій кавалеръ, онъ нынѣ несправедливо уволенъ постановленіемъ конференціи вслѣдствіе того, что профессоръ Делицынъ по злобѣ на него призналъ его познанія неудовлетворительными, а равно потому, что онъ—вѣрноподданный и стоитъ за вѣру, Царя и отечество. Далѣе проситель заявилъ, что по остальнымъ восьми предметамъ онъ выдержалъ экзаменъ успѣшно и что если онъ не получитъ защиты отъ военнаго министра, то на георгіевскомъ праздникѣ будетъ просить о ней Государя Императора. Съ цѣлью точнаго выясненія настоящаго дѣла было поручено военному судьѣ петербургскаго военно-окружнаго суда генералъ-майору Шебеко произвести разслѣдованіе. 15-го октября ген.-м. Шебеко представилъ подробный рапортъ, изъ котораго выяснилось слѣдующее: 1) Студентъ Сопоцько былъ переведенъ изъ новороссійскаго университета не по личному Высочайшему повелѣнію, а по постановленію конференціи Императорской военно-медицинской академіи отъ 10-го ноября 1909 года. 2) Студентъ Сопоцько выдержалъ успѣшно восемь экзаменовъ, будучи второй годъ на третьемъ курсѣ академіи, но на переэкзаменовкѣ по оперативной хирургіи и топографической анатоміи получилъ въ среднемъ выводѣ 2½ балла, причемъ познанія его были оцѣнены профессоромъ Делицынымъ двумя баллами, а ассистентомъ профессоромъ Турнеромъ — тремя баллами. Баллъ 2½ закономъ не предусмотрѣнъ и являлся результатомъ производства экзамена съ нарушеніемъ установленныхъ правилъ. 3) Студентъ Сопоцько заслужилъ одобрительный отзывъ за свою медицинскую дѣятельность въ Старицкомъ уѣздѣ Тверской губ. отъ мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства и старшаго врача земской больницы. Въ силу этого и во вниманіе къ боевымъ заслугамъ бывшаго студента Сопоцько имѣлось въ виду принять его вновь въ академію на 4-й курсъ съ обязательствомъ въ теченіе предстоящаго учебнаго года подвергнуться вновь переэкзаменовкѣ по оперативной хирургіи и топографической анатоміи. Рѣшеніе военнаго министра было сообщено въ этомъ смыслѣ исполняющему должность начальника академіи. Возстановляя такимъ образомъ права бывшаго студента Сопоцько, имѣлось въ виду, что онъ, какъ будущій военный врачъ, долженъ понимать и тѣ обязательства, которыя возлагаетъ военная служба на всѣхъ военно-служащихъ, т. е., въ случаѣ нарушенія чьихъ-либо законныхъ правъ, всякій обиженный заявляетъ о семъ по командѣ и ждетъ рѣшенія соотвѣтствующей дистанціи, не позволяя себѣ выходить изъ рамокъ дисциплины. Между тѣмъ бывшій студентъ Михаилъ Сопоцько, заявивъ жалобу на притѣсненія и несправедливости, самъ началъ выступать въ печати противъ должностныхъ лицъ въ формѣ, совершенно недопустимой для лицъ, принадлежащихъ къ составу военнаго вѣдомства, грозя увольненіемъ со службы лицамъ, увольненіе коихъ зависитъ лишь отъ непосредственнаго усмотрѣнія Его Императорскаго Величества. Такое отношеніе къ дѣлу г. Сопоцько-Сырокомли вынудило военнаго министра отказаться отъ первоначальнаго рѣшенія принять его вновь въ академію, доложивъ о такомъ рѣшеніи Его Императорскому Величеству Государю Императору».

Обвалъ дома.

Сегодня, въ часъ дня, произошла строительная катастрофа на Петербургской сторонѣ, въ домѣ № 20, по Звѣринской улицѣ. Домъ принадлежалъ раньше госпожѣ Головиной, а недавно перешелъ въ собственность Торопова. На мѣстѣ старой постройки возводилась новая, въ пять этажей съ мансарднымъ помѣщеніемъ. Передъ самымъ уходомъ рабочихъ на обѣдъ раздался оглушительный трескъ въ помѣщеніи 5-го этажа и изъ оконъ вырвалось облако пыли. Черезъ нѣсколько мгновеній послышались крики о помощи пострадавшихъ рабочихъ. Въ 5-й этажъ провалились полы 6-го этажа мансарднаго помѣщенія. Провалившіеся полы увлекли за собою находившихся наверху рабочихъ и придавили ихъ. Изъ-подъ обломковъ вытащили трехъ очень серьезно пострадавшихъ рабочихъ.

Иностранныя телеграммы.

ЛОНДОНЪ (*Отъ нашего корреспондента*). Выборная борьба фактически началась. Всѣ партіи выпустили манифесты. Въ программахъ либераловъ и ирландцевъ — отмѣна veto, у консерваторовъ — реформа лордовъ, протекціонизмъ, государственное страхованіе на случай болѣзней, мелкіе надѣлы, усиленіе флота и отмѣна налоговъ, введенныхъ бюджетомъ.

МАДРИДЪ (*Отъ нашего корреспондента*). Въ кулуарахъ кортесовъ упорно держится слухъ о близкомъ министерскомъ кризисѣ. Каналехасъ отставилъ префекта полиціи послѣ нападокъ газетъ на поведеніе полицейскихъ агентовъ во время манифестаціи студентовъ въ театрѣ Novedades. Студенты Гранады и Вальядолида объявили забастовку изъ солидарности съ университетомъ Мадрида. Около Коруньи толпа изъ 300 крестьянъ протестовала противъ налога на мясо. Произошло крупное столкновеніе съ жандармами. Одинъ крестьянинъ убитъ, много раненыхъ съ обѣихъ сторонъ.

(*С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агентства*).

КАНЕЯ. Президентомъ исполнительнаго комитета избранъ Кріарисъ, кандидатъ правительственной партіи.

Запросъ объ Обществахъ обывателей и избирателей.

(*Отъ нашего корреспондента*).

Фракція к.-д. внесла слѣдующій запросъ:

Господину предсѣдателю Государственной Думы.

На основаніи ст. 58-й Учрежденія Государственной Думы предлагаемъ предъявить г. министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующій запросъ.

25-го іюля 1910 г. министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ начальникамъ губерній и градоначальникамъ въ циркулярѣ своемъ за № 36 (прил. I): 1) не допускать возникновенія такого рода Обществъ, кои ставятъ задачей своей дѣятельности предметы, входящіе въ кругъ вѣдомства городскихъ и земскихъ общественныхъ установленій, и 2) внести на разсмотрѣніе присутствія по дѣламъ объ Обществахъ о закрытіи возникшихъ ранѣе сего Обществъ подобнаго характера.

На основаніи указаннаго циркулярнаго предложенія министра внутреннихъ дѣлъ 24-го августа 1910 г. постановленіемъ петербургскаго особаго городскаго по дѣламъ объ Обществахъ присутствія закрыты въ Петербургѣ 15 Обществъ обывателей и избирателей (прил. II).

Между тѣмъ циркулярное предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 25-го іюля 1910 г. представляется несоотвѣтствующимъ закону по слѣдующимъ основаніямъ:

1. Всякаго рода обязательныя постановленія, инструкціи и распоряженія (въ томъ числѣ и циркулярныя предложенія, издаваемыя министрами и главноуправляющими отдѣльными частями) не должны противорѣчить законамъ. Таково категорическое требованіе ст. 122-й Осн. Законовъ (по продолж. 1906 г.). Съ другой стороны, по ст. 80-й Основныхъ Законовъ, условія образованія Обществъ и союзовъ, порядокъ ихъ дѣйствій, условія и порядокъ сообщенія имъ правъ юридическаго лица, равно какъ порядокъ закрытія Обществъ и союзовъ опредѣляются закономъ. Такимъ закономъ, дѣйствующимъ въ настоящее время, является указъ 4-го марта 1906 г. о временныхъ правилахъ объ Обществахъ и союзахъ. Ст. 2-я этого закона опредѣленно указываетъ, что Общества и союзы возникаютъ внѣ усмотрѣнія правительственной власти. Отказъ въ регистраціи Общества можетъ быть допущенъ лишь въ томъ случаѣ, если Общество преслѣдуетъ цѣли, противныя общественной нравственности или воспрещенныя уголовнымъ закономъ, или же угрожающія общественному спокойствію и безопасности, или, если оно управляется учрежденіями или лицами, находящимися за границей, если Общества эти преслѣдуютъ политическія цѣли. Не менѣе опредѣленными являются и указанія закономъ тѣхъ нарушеній, которыя могутъ повлечь за собою закрытіе Общества. Къ таковымъ относятся: 1) Открытіе Общества безъ надлежащаго о томъ заявленія въ порядкѣ, установленномъ стт. 17, 18, 22-й закона 1906 г. (ст. 33-я), 2) формальныя упущенія, предусмотрѣнныя стт. 7, 8, 19, 31 и 32-й закона (допущеніе въ составъ Общества несовершеннолѣтнихъ, военнослужащихъ и т. д., измѣненіе порядка вступленія и выбытія членовъ и т. п.), 3) уклоненіе отъ устава (ст. 10 и 23-я) и 4) усвоеніе Обществомъ такой дѣятельности, которая угрожаетъ общественной безопасности и спокойствію или принимаетъ явно безнравственное направленіе (ст. 35-я). Недопущеніе регистраціи Обществъ, «кои ставятъ задачей своей дѣятельности предметы, входящіе въ кругъ вѣдомства городскихъ и земскихъ общественныхъ установленій», закономъ такимъ образомъ не предусмотрѣно. Не знаетъ законъ 4-го марта и никакихъ другихъ поводовъ къ закрытію Обществъ уже зарегистрированныхъ кромѣ случаевъ, точно указанныхъ въ стт. 33, 34, 35-й.

Между тѣмъ циркуляръ недопущеніе возникновенія и закрытіе Обществъ обывателей ставитъ въ связь какъ-разъ съ поводами, въ законѣ не указанными и имъ не предусмотрѣнными. Съ этой точки зрѣнія содержаніе циркуляра сводится къ незакономѣрной попыткѣ министра внутреннихъ дѣлъ воздѣйствовать на подвѣдомственныхъ ему лицъ въ томъ смыслѣ, чтобы они въ дѣлѣ регистраціи вновь возникающихъ и закрытія существующихъ Обществъ отступали отъ прямыхъ велѣній закона и руководствовались не тѣснымъ его смысломъ, а неоснованными на законѣ указаніями исполнительной власти.

2. Въ мотивахъ къ циркуляру 25-го іюля 1910 г. содержится ссылка на указы правительствующаго сената за 1910 г. (№№ 4,762 и 4,763), оставившіе безъ послѣдствій жалобы елисаветградскаго и сосновицкаго Обществъ обывателей и избирателей на постановленія присутствій, отказавшихъ указаннымъ Обществамъ въ регистраціи, на основаніи упомянутыхъ въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ соображеній. Выдвинутое названными рѣшеніями сената положеніе, что преслѣдованіе Обществами обывателей и избирателей задачъ, входящихъ въ кругъ вѣдомства городскихъ и земскихъ общественныхъ установленій, можетъ служить поводомъ къ отказу въ регистраціи Обществъ, составляетъ обоснованіе предложенія министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ о недопущеніи открытія и о закрытіи Обществъ обывателей и избирателей. Если даже допустить, что министръ внутреннихъ дѣлъ упустилъ изъ виду, что правительствующій сенатъ, по смыслу нашихъ Основныхъ Законовъ, не можетъ измѣнять или дополнять содержаніе неотмѣненнаго и неизмѣненнаго въ законодательномъ порядкѣ закона (ст. 94-я Основн. Зак. и ст. 31-я Учр. Гос. Думы), что такимъ образомъ никакія рѣшенія сената не давали права представителю центральной власти предлагать подвѣдомственнымъ лицамъ и учрежденіямъ сверхъ поводовъ, указанныхъ въ законѣ, руководствоваться поводами, указанными въ рѣшеніи сената,—то и тогда содержаніе циркуляра нельзя не признать незакономѣрнымъ, какъ не вытекающее изъ тѣхъ рѣшеній сената, на которыя сдѣлана ссылка въ циркулярѣ. Рѣшенія сената касаются лишь случаевъ отказа въ регистраціи. Сенатъ полагаетъ, что нельзя допускать регистрацію Обществъ обывателей и избирателей, ставящихъ цѣлью своей дѣятельности предметы, входящіе въ кругъ вѣдѣнія городскихъ и земскихъ общественныхъ установленій. Циркуляръ же министра внутреннихъ дѣлъ содержитъ въ себѣ предложеніе гг. губернаторамъ вносить на разсмотрѣніе подлежащихъ присутствій о закрытіи возникшихъ ранѣе сего Обществъ «подобнаго характера», въ случаѣ же несогласія присутствія на таковое предложеніе представлять объ этомъ въ порядкѣ ст. 39-й, отд. I закона 4-го марта 1906 г. на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Иными словами, министръ, расширяя содержаніе рѣшеній сената, которыми онъ пытается обосновать несоотвѣтствіе циркулярнаго предложенія ограничительнымъ нормамъ закона 4-го марта, предлагаетъ закрывать Общества, уставъ коихъ ранѣе былъ утвержденъ въ установленномъ закономъ порядкѣ, не за формальныя отступленія отъ устава, не за нарушеніе точно опредѣленныхъ закономъ нормъ, а по основаніямъ, признаннымъ рѣшеніемъ сената достаточными лишь для отказа Обществамъ въ регистраціи.

Такимъ образомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ совершенно произвольно расширилъ содержаніе тѣхъ рѣшеній сената, на которыя имъ сдѣланы ссылки, освободивъ тѣмъ самымъ циркулярное предложеніе отъ 25-го іюля 1910 г. отъ покрова искусственной ссылки на внѣшнюю закономѣрность.

Въ виду допущенія министромъ внутреннихъ дѣлъ явно незакономѣрныхъ дѣйствій, мы, нижеподписавшіеся, предлагаемъ министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующій запросъ:

1) Какими законами руководствовался министръ внутреннихъ дѣлъ, предлагая въ циркулярѣ 25-го іюля 1910 г. не допускать возникновенія Обществъ обывателей и избирателей по основаніямъ, не содержащимся въ законѣ 4-го марта 1906 г., а равно вносить на разсмотрѣніе присутствій по дѣламъ объ Обществахъ о закрытіи возникшихъ ранѣе Обществъ, по поводамъ, въ законѣ 4-го марта 1906 г. не указаннымъ.

2) Какія мѣры предполагаетъ онъ предпринять для устраненія допущенной незакономѣрности. Слѣдуютъ подписи: Милюковъ, Маклаковъ, Герасимовъ, Шингаревъ и др.

Чествованіе памяти Н. И. Пирогова.

ПЕТЕРБУРГЪ (*Отъ нашего корреспондента*). 13-го ноября, въ день столѣтія рожденія Н. И. Пирогова, русское хирургическое Общество устроило торжественное собраніе въ музеѣ имени Пирогова. На собраніи присутствовали академикъ Бехтеревъ, проф. И. П. Павловъ, лейбъ-хирургъ Е. П. Павловъ, профессора, члены Государственной Думы Шингаревъ, Нижегородцевъ, проф. Чечотъ. Съ правой стороны каѳедры возвышался бюстъ Пирогова, убранный тропическими растеніями. Послѣ совершенія панихиды произнесенъ рядъ рѣчей. Проф. Ѳедоровъ охарактеризовалъ Пирогова какъ хирурга и какъ педагога-гуманиста. Проф. Моисеевъ далъ характеристику Пирогова какъ патолога и анатома. Русское хирургическое Общество получило телеграммы отъ разныхъ ученыхъ учрежденій изъ разныхъ городовъ Россіи.

— 13-го ноября въ церкви военно-медицинской академіи была совершена панихида по Н. И. Пирогонѣ, на которой присутствовали профессора академіи и студенты. Послѣ панихиды въ концертной залѣ состоялось подъ предсѣдательствомъ заслуженнаго проф. Лебедева торжественное засѣданіе конференціи, посвященное памяти Н. И. Пирогова. Произнесли рѣчи профессора Оппель, Турнеръ, Делицынъ и др.

МЮНХЕНЪ (*Отъ нашего корреспондента*). Изъ-за рубежа присоединяемъ свой голосъ къ голосу родной страны въ чествованіи памяти Пирогова, великаго врача, гуманиста и общественнаго дѣятеля. *Русское студенчество Мюнхена.*

Сходки и манифестаціи.

(*Отъ нашихъ корреспондентовъ*).

ПЕТЕРБУРГЪ. 13-го ноября въ петербургскомъ университетѣ состоялась многочисленная сходка студентовъ, на которой присутствовало около 4,000 студентовъ. Къ университету былъ направленъ усиленный нарядъ полиціи. Узнавъ, что въ университетѣ происходитъ незаконная сходка, начальникъ полиціи предложилъ студентамъ немедленно разойтись, угрожая въ противномъ случаѣ ввести полицію въ университетъ. Сходка была закончена, студенты разошлись, полиція въ университетъ введена не была.

— 13-го ноября состоялась сходка студентовъ политехническаго института, на которой присутствовало свыше 1,000 человѣкъ. Члены студенческой организаціи доложили отчетъ о своей поѣздкѣ на похороны Толстого въ Ясную Поляну.

— 13-го ноября происходила сходка студентовъ горнаго института, на которой присутствовало около 600 человѣкъ. Сходка выслушала докладъ делегатовъ о похоронахъ Толстого и вынесла резолюцію о необходимости добиваться отмѣны смертной казни и сдѣлала сборъ въ пользу арестованныхъ за участіе въ демонстраціи.

— Приказъ Императорской военно-медицинской академіи 10-го ноября № 42. 8-го сего ноября нѣкоторые студенты академіи позволили себѣ произвести дѣйствія, не отвѣчающія понятіямъ объ уваженіи къ наукѣ и къ Императорской военно-медицинской академіи, въ которой они имѣютъ честь находиться. 1) На лекціяхъ нѣкоторые студенты обратились къ профессорамъ съ просьбой не читать лекціи, пѣли въ аудиторіяхъ, устраивали сборища съ цѣлью ворваться на лекцію другаго курса и помѣшать занятіямъ, агитировали среди товарищей съ предложеніемъ покинуть аудиторіи во время чтенія лекцій. 2) Состоялось незаконное сборище въ аудиторіи клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней, которое не желало разойтись послѣ приказанія академическаго начальства. Военный министръ по докладѣ моемъ объ этихъ безпорядкахъ, признавая, что среди студентовъ высшаго военно-учебнаго заведенія находятся лица, не желающія подчиняться военнымъ порядкамъ и дисциплинѣ, а потому приказалъ объявить: 1) что для военнаго дѣла такія лица не нужны и 2) неподчиняющіеся воинской дисциплинѣ студенты могутъ избрать себѣ дѣятельность внѣ военнаго вѣдомства. Для настоящаго времени его высокопревосходительство разрѣшилъ ограничиться наложеннымъ мною на активныхъ виновниковъ дисциплинарнымъ взысканіемъ: на студента перваго курса Дилева за неумѣстное заявленіе профессору и предсѣдательствованіе на самовольномъ собраніи—арестъ на 20 сутокъ, на студентовъ 5-го курса Пуслинскаго, Хоцанова и Введенскаго, первыхъ двухъ за предсѣдательствованіе на самовольномъ собраніи, а послѣдняго за неумѣстное заявленіе профессору—арестъ на 10 сутокъ на каждаго; на студентовъ третьяго курса Елисѣева за предложеніе курсу не посѣщать лекцій и неумѣстное обращеніе къ профессорамъ—арестъ на 20 сутокъ; на студента третьяго курса Патрика за неумѣстное обращеніе къ профессорамъ—арестъ на 10 сутокъ; на студента третьяго курса Курашкевича за неисполненіе категорическаго требованія начальства — арестъ на 10 сутокъ; на студентовъ втораго курса Иценко, Бѣлаго и Дангулянца за агитированіе на своемъ и другихъ курсахъ—арестъ на 10 сутокъ каждаго. Приказъ этотъ прочесть

За предѣлами литературы.

(*Михаилъ Сивачевъ. На судъ читателя. Записки литературнаго Макара. Москва, 1910*).

Года четыре тому назадъ въ редакціи одной московской газеты меня познакомили съ однимъ молодымъ литераторомъ, невольно обращавшимъ на себя вниманіе. Страшно худой, съ обсохшимъ и обтянувшимся сѣро-зеленымъ лицомъ, съ горящимъ и безпокойнымъ взглядомъ, онъ пришелъ къ намъ въ редакцію въ холодный осенній день въ старомъ лѣтнемъ пальтишкѣ поверхъ черной рабочей блузы, въ стоптанныхъ опоркахъ на ногахъ. Изъ рукавовъ пальто торчали красныя, страшно изуродованныя артритомъ руки. Хромая, быстро ковылялъ онъ за мной; а когда сѣлъ, то торопясь и нервно заговорилъ:

— Вотъ. Два разсказа. Не знаю, подойдутъ ли. Плохо пишу. Руки, — онъ показалъ мнѣ свои бѣдныя руки, — и надо говорить правду, съ литературной точки зрѣнія есть недостатки. Рабочій я. Но, можетъ-быть, увидите дарованіе. Тогда поддержите...

Дарованіе въ разсказахъ, я думаю, было. Было въ нихъ то, что, на мой взглядъ, цѣнно въ писателѣ всегда и, можетъ-быть, прежде всего, — была правда; въ данномъ случаѣ — правда страшной и жестокой жизни, въ тискахъ которой бился этотъ больной и полураздѣтый юноша. Но и литературныхъ недостатковъ было достаточно. Разсказы поэтому въ печать не пошли, но завязалось знакомство. Мы довольно часто видѣли его послѣ того въ редакціи; заходилъ онъ и на домъ и ко мнѣ, и къ другимъ моимъ товарищамъ, и не я одинъ познакомился съ разсказами, повѣстями и драмами, которые лихорадочно писалъ больной и голодный человѣкъ. Меня въ нихъ останавливали всегда значительность, пожалуй, трагичность содержанія. Было видно, что человѣкъ заглянулъ глубоко въ лицо гнусно-безобразной и жестокой жизни. Каждая вещь была крикомъ оскорбленной и изстрадавшейся человѣческой души. Но для печати ни одна вещь не годилась.

Помню особенно одну повѣсть, въ которой въ новой и своеобразной формѣ рѣшался вопросъ о томъ, можно ли убивать человѣка. Разсказывалась правдивая и списанная съ натуры исторія о рабочемъ, — слесарѣ на одномъ изъ бакинскихъ заводовъ, — который, встрѣтивъ молодую дѣвушку-проститутку, пожалѣлъ ее и, чтобы помочь ей выбраться на другую дорогу, женился на ней. Оказалось однако, что такимъ простымъ и внѣшнимъ пріемомъ нельзя спасти человѣка, носящаго въ душѣ глубокую, чтобы не сказать смертельную рану. Когда прошла первая и короткая полоса радости, началась для обоихъ сплошная мука. Въ ней заговорило сознаніе, что ни онъ, ея мужъ, ни его товарищи не забудутъ, откуда она вышла, никогда не будутъ ее уважать вполнѣ, смотрѣть какъ на равную. Протестовала гордость человѣка; возмущалось чувство любящей женщины. Но эти взрывы гордости и протеста не были продолжительны и стойки. Ихъ смѣняло чувство отчаянія и вины. Было жаль мужа, связавшагося съ «такой»; было сознаніе своей испорченности и неспособности къ «правильной» жизни; и отсюда возникала увѣренность, что мужъ броситъ, что онъ долженъ бросить ее, и впереди нѣтъ ничего, кромѣ улицы. Тогда женщина запивала, и пьяная или горько плакала и убивалась, или съ дикой злобой и ненавистью ругала и поносила своего благодѣтеля и его друзей, и всѣхъ, и весь міръ.

Мужъ понималъ, что въ ней болитъ и мечется раненая человѣческая душа, и былъ нѣженъ и добръ съ ней, какъ съ больнымъ ребенкомъ. Но временами въ немъ возникали сомнѣнія; начинало казаться, что она—«вовсе пропащая», совершенно изуродованный человѣкъ, съ которымъ не для чего возиться, и тогда онъ обрушивался на нее съ жестокой бранью. Мучительная жизнь! Къ концу двухъ лѣтъ они оба совсѣмъ извелись, и трудно сказать, удалось ли бы имъ осилить судьбу и найти душевное равновѣсіе. Но тутъ одно внѣшнее обстоятельство свело вопросъ на другую почву. Была война, и слесарю, запасному, приходилось идти на Дальній Востокъ, быть-можетъ, на годъ или больше. Что же будетъ дѣлать въ это время его жена? Кто ее поддержитъ? Праздные вопросы. Пойдетъ на улицу, куда поведутъ ее нужда и душевная распатанность. Опять жирные и сытые звѣри начнутъ трепать и позорить ея тѣло и ея душу и въ конецъ растлятъ и убьютъ все, что есть въ ней благороднаго и что при другихъ условіяхъ могло бы еще поднять голову. Какъ же быть? Допустить этому совершиться?

— Лучше же я убью ее, чѣмъ позволю ей идти на позоръ. Слабая она. Не устоитъ.

Вопросъ былъ поставленъ ясно: что лучше—смерть духа, или смерть тѣла? Ужасный вопросъ, но, можетъ-быть, еще ужаснѣе то, что такой вопросъ можетъ быть поставленъ жизнью передъ отдѣльнымъ человѣкомъ.

— Я былъ хорошо знакомъ съ этимъ слесаремъ,—разсказывалъ мнѣ авторъ, —и мы долго и часто обсуждали съ нимъ вопросъ, какъ ему быть. Онъ все склонялся къ тому, что надо убить. «Не могу, — говоритъ, — даже думать о томъ, что начнутъ ее опять трепать всякіе скоты». И я ничего не могъ ему возразить...

Въ повѣсти трагедія кончалась такъ, какъ кончилась въ жизни. Наканунѣ ухода мужа въ казарму жена запила. Пьяную онъ задушилъ ее, навалившы подушку.

— А вы какъ поступили бы, читатель? — спрашивалъ въ концѣ повѣсти авторъ.

Но хорошая повѣсть была написана неумѣло, неровно и часто грубо и въ печать не пошла.

Вскорѣ послѣ того я оставилъ Москву и потерялъ молодаго писателя изъ виду. Но недавно однако я получилъ отъ него письмо и два первыхъ выпуска написанной имъ книги. И на ней-то я хочу остановить вниманіе моихъ читателей. Въ ней разсказана исторія жизни и мысли,—исторія исканій, житейскихъ и литературныхъ, больнаго литератора изъ рабочихъ, представляющая громадный общественный интересъ.

Особенностью книги является то, что она написана безъ соблюденія какихъ-бы то ни было литературныхъ приличій. Въ ней передъ глазами читателей проходитъ рядъ лицъ, преимущественно пользующихся извѣстностью и уваженіемъ: редакторовъ, писателей, адвокатовъ, съ которыми авторъ ея сталкивался. Всѣ названы полными именами. И о каждомъ разсказано нѣчто такое, что многихъ заставитъ назвать книгу пасквилемъ. Но было бы жаль, если бы за внѣшней формой пасквиля люди просмотрѣли содержаніе книги или по крайней мѣрѣ ту его сторону, которая касается не лицъ, а жизни вообще, всей нашей культуры, и хода мыслей и чувствъ тѣхъ, по которымъ прокатывается ея тяжелое колесо. Оно прокатилось и по Михаилу Сивачеву, — писателю, о которомъ идетъ рѣчь, — и дало характерныя для нашего времени результаты. Но обратимся къ самой книгѣ.

Михаилъ Сивачевъ — сынъ крѣпостнаго. «Кровь крѣпостнаго раба—въ моихъ жилахъ», — повторяетъ онъ десять разъ. Приписавшись по освобожденіи крестьянъ къ мѣщанамъ, отецъ нажилъ кое-какое состояніе и далъ дѣтямъ кое-какое образованіе. Потомъ умеръ, оставивъ въ наслѣдство домъ, кажется, въ Орлѣ, и дѣти кто занялся торговлей, кто службой. Сестры вышли замужъ. Михаилъ же Сивачевъ поступилъ лѣтъ шестнадцати слесаремъ на заводъ. Работалъ, почитывалъ книжки, познакомился съ соціализмомъ, съ революціонными теоріями, съ русской литературой, усвоилъ ея гуманистическую и освободительную тенденцію. Безъ достаточнаго образованія, но съ проснувшейся мыслью и съ стремленіями къ полной и содержательной жизни, рабочій Сивачевъ — типичное явленіе для нашего времени. Такихъ, какъ онъ, десятки, если не сотни тысячъ. Вотъ на это обстоятельство я обращаю усиленное вниманіе. Въ людяхъ, въ человѣческихъ массахъ пробуждаются въ наши дни запросы. Находятъ ли они удовлетвореніе? На вопросъ можно и не отвѣчать,—такъ ясенъ отвѣтъ. И здѣсь — объясненіе того «соціальнаго гнѣва», который волнами ходитъ въ общественныхъ низахъ. Въ буржуазномъ обществѣ этотъ гнѣвъ трудящихся направляется обыкновенно противъ ихъ главнаго врага — капитала. Весьма возможно, что и Сивачевъ оказался бы въ рядахъ революціоннаго пролетаріата, если бы не одно обстоятельство: болѣзнь, тяжелый, уродующій артритъ, вывела его изъ рабочихъ рядовъ.

«Къ 24-мъ годамъ капиталъ высосалъ изъ меня все, что можно высосать, и выбросилъ меня вонъ изъ сферы труда, какъ негодную, вполнѣ исполнившую свое назначеніе ветошь»,—такъ начинаетъ Сивачевъ свою книгу.

«Умирать» Сивачевъ уѣхалъ на родину, гдѣ при наслѣдственномъ домѣ, дававшемъ 12 руб. въ мѣсяцъ дохода, была полуразвалившаяся избушка, чтобы доживать угрюмые дни.

«По цѣлымъ днямъ я просиживалъ у окна моей избушки, страдающій отъ мысли, что необъятность міра для меня ограничена только взглядомъ изъ этого окна... Наблюдая, какъ вѣтеръ рветъ и треплетъ засыхающія и уже засохшія деревья, я тихо-тихо говорилъ: «Да, братъ, погибаемъ мы. Плохо намъ!»...

«...Мучаясь по ночамъ отъ безсонницы и ноющихъ болей, я съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда тусклый осенній разсвѣтъ кисло заглянетъ въ окно. Вставалъ и торопливо, точно сейчасъ увижу человѣка, съ которымъ можно подѣлиться несчастьемъ, ковылялъ къ окну. «Что же, братъ, а? Вѣдь такъ невозможно. Гибнемъ мы, но когда конецъ? А если такъ будемъ чаврить еще десять лѣтъ? А?»....

«...Я жилъ неподавимой тоской по образу человѣка,—по тому образу человѣка, котораго встрѣтилъ въ жизни однажды... Обстоятельства заставили насъ утерять другъ-друга изъ виду, но врѣзался въ меня этотъ человѣкъ, какъ фактъ, что не напрасно въ нашей душѣ живутъ стремленія къ прекрасному»...

Но человѣкъ не появлялся, а приходили братья, дѣловитые мѣщане, и говорили:

— Ходитъ не можетъ? Вретъ! Ожечь хорошенько кнутомъ: всю боль забудетъ; побѣжитъ, сволочь хромая!

А другой, болѣе мягкій, убѣждалъ:

— Что ты здѣсь лежишь? Шелъ бы ты въ богадѣльню. Кромѣ какъ на казенный хлѣбъ никуда не годишься.

И оба уговаривали согласиться на продажу дома. Дѣловымъ людямъ нужны были деньги на оборотъ. Сивачевъ не соглашался. Отсюда—жестокія ссоры. Онъ слылъ у братьевъ соціалистомъ, и во время ссоръ они кричали:

— Издыхай! Издыхай! Не помогать такимъ надо, а вѣшать!

— Гордъ, сволочь? Брату не хочешь поклониться? Но, врешь, калѣка, когда-нибудь и поклонишься. На колѣняхъ будешь ползать... А тогда ужъ я тебѣ покажу!..

Обнаженно-грубо разсказываетъ Сивачевъ объ этомъ времени, проведенномъ въ средѣ дѣловыхъ мѣщанъ. Трудно сказать, вполнѣ ли объективенъ его разсказъ. Но можно понять, что именно такъ должна была отразиться суровая и жестокая среда въ умѣ и памяти полураздавленнаго человѣка. Онъ хотѣлъ покончить съ собой. Остановило любопытство: хотѣлось посмотрѣть на жизнь еще. Началъ пить. Водка доводила боли до безумія, но давала своеобразный отдыхъ душѣ.

Въ это время Сивачевъ встрѣтился съ дѣвушкой, учительницей, ставшей потомъ спутницей его жизни, которая зажгла въ немъ искру надежды, жажду борьбы и толкнула его на литературную дорогу, по которой Сивачевъ пошелъ съ удивительной для больнаго человѣка настойчивостью. Пописывалъ онъ и раньше. Стоя за станкомъ, сочинялъ стихотворенія, обдумывалъ разсказы. Когда онъ познакомился съ исторіей жизни Максима Горькаго, «поднявшагося изъ низинъ жизни такъ высоко», онъ со страстью принялся за писанье.

«Я писалъ, и непостижимой загадкой было для меня, какъ возможенъ такой подъемъ при моемъ состояніи здоровья. Коченѣли отъ холода руки,—отогрѣвалъ ихъ на лампѣ; обезображенная правая рука не повиновалась перу, ныла каждымъ сочлененіемъ,—свирѣпо насиловалъ ее, чтобы выводила болѣе четкія линіи. Я работалъ по десять—двѣнадцать часовъ въ сутки. Спину разломитъ до невольныхъ при

на всѣхъ курсахъ. Подписалъ временно исполняющій обязанности начальника академіи профессоръ В. Варлихъ (*Русскій Инвалидъ*).

— Приказомъ петербургскаго градоначальника отъ 13-го ноября наложены слѣдующія взысканія на участниковъ демонстраціи 11-го ноября: два студента подвергнуты аресту на два мѣсяца, восемь—на одинъ мѣсяцъ, три слушательницы подвергнуты штрафу отъ 100 до 300 руб.

Къ кончинѣ Л. Н. Толстого.

Чествованіе памяти Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.

(*По телефону отъ нашего корреспондента*).

Сегодня въ Большой залѣ консерваторіи состоялось торжественное чествованіе памяти Л. Н. Толстого. Чествованіе организовано было по иниціативѣ цѣлаго ряда литературныхъ Обществъ и другихъ общественныхъ организацій Петербурга и привлекло къ себѣ въ послѣдніе дни живѣйшее сочувствіе всѣхъ слоевъ публики. Желавшихъ присутствовать на немъ оказалось многое множество. Билеты брались нарасхватъ. Въ Большой залѣ консерваторіи собрались представители литературы, науки, профессуры, высшихъ учебныхъ заведеній, члены Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, общественные дѣятели, масса учащейся молодежи. На галлереяхъ виднѣлось немало и рабочихъ. Около каѳедры—портретъ Толстого, окруженный зеленью. За предсѣдательскимъ столомъ—М. М. Ковалевскій, П. Н. Милюковъ, Ѳ. И. Родичевъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій и др. Засѣданіе открываетъ М. М. Ковалевскій.

Рѣчь М. М. Ковалевскаго.

Наканунѣ смерти, отошедшій отъ насъ въ вѣчность мыслитель сказалъ: «Я самъ ухожу изъ жизни, но останутся люди, которые сознаютъ истинный ея смыслъ. Имъ суждено будетъ осуществить то, къ чему я стремился». Желаніе выяснить смыслъ жизни привело Толстого къ мысли о необходимости объединить людей съ религіей любви, любви дѣятельной и самоотверженной. Что служитъ препятствіемъ къ достиженію этой цѣли, что разъединяетъ людей, нашло въ Толстомъ неуклоннаго и послѣдовательнаго отрицателя. Онъ положилъ въ основу своего ученія все, что въ христіанствѣ и другихъ религіозныхъ толкахъ сказано о братскомъ служеніи людямъ. Ученіе Толстого не знаетъ границъ ни сословныхъ, ни классовыхъ, ни національныхъ, ни государственныхъ, ни церковныхъ,—оно обращено ко всѣмъ людямъ. Вотъ почему въ нашемъ горѣ приняли участіе всѣ народы. Преждевременное извѣстіе о кончинѣ нашего всемірнаго генія вызвало небывалый еще актъ: по предложенію одного изъ членовъ французскаго правительства народные представители дружественной намъ республики почтили его память вставаніемъ. То же было сдѣлано на-дняхъ избранниками родственныхъ намъ сербскаго и болгарскаго народовъ. Во всемъ славянскомъ мірѣ мы нашли откликъ нашему горю, но и внѣ его предѣловъ, безъ различія расъ, національностей и вѣроученій, тѣ, кто призванъ говорить отъ имени широкихъ народныхъ организацій, просвѣтительныхъ и литературныхъ Обществъ, своимъ отношеніемъ къ смерти Л. Н. Толстого выразили ясно и опредѣленно ту мысль, что великій писатель земли русской ни для кого не является иностраннымъ писателемъ. Будучи нашей народной гордостью, онъ въ то же время принадлежитъ всему человѣчеству. Передъ славою вѣрнаго истолкователя великой заповѣди «возлюбимъ другъ друга» отходитъ на второй планъ слава Толстого-творца цѣлаго міра литературныхъ образовъ и типовъ, неподражаемаго изобразителя движеній народныхъ массъ, глубокаго сердцевѣда, художника русскаго слова. Недаромъ древніе связывали съ понятіемъ мудрецъ представленіе о безграничности знаній, житейскаго опыта, проникновеннаго пониманія и отзывчиваго отношенія ко всѣмъ явленіямъ жизни. Съ такимъ всеобъемлющимъ умомъ и сердцемъ рисуется намъ и покинувшій насъ русскій мудрецъ. При извѣстіи объ его кончинѣ въ условіяхъ, по-истинѣ драматическихъ, литературныя, ученыя и просвѣтительныя Общества Петербурга сочли нужнымъ ознаменовать въ соединенномъ засѣданіи, посвященномъ его памяти, тотъ моментъ, когда съ концомъ его земной жизни открывается для Толстого рядъ вѣковъ безсмертія и благодарнаго признанія за все, сдѣланное имъ на пути сближенія людей между собой. Въ благоговѣйномъ молчаніи, вполнѣ отвѣчающемъ характеру свѣтскихъ поминокъ, почтите вашимъ вставаніемъ память одного изъ величайшихъ людей и проповѣдниковъ міра, общественнаго согласія и любви къ людямъ.

Всѣ подымаются въ глубокомъ, благоговѣйномъ молчаніи. Ковалевскаго на каѳедрѣ смѣняетъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Рѣчь Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.

Въ творчествѣ генія проявляются черты національной психологіи. Геніи типичны для своей націи въ смыслѣ свойственнаго ей уклада мысли, но продукты творчества являются общечеловѣческимъ достояніемъ. Въ ряду нашихъ великихъ писателей Толстой—самый русскій. Въ немъ черты русскаго національнаго уклада мыслей выразились полнѣе и ярче, чѣмъ у другихъ. Одна изъ характерныхъ чертъ нашего національнаго пошиба мыслей это — реализмъ, такъ ярко обнаружившійся въ нашей художественной литературѣ. Въ ряду нашихъ художниковъ-реалистовъ Толстому принадлежитъ особое мѣсто. Онъ—реалистъ по преимуществу, ни разу не обмолвившійся ни однимъ романтическимъ звукомъ или образомъ, ни разу не отступившій отъ строго-реалистическаго изображенія дѣйствительности въ духѣ художественной простоты и правды. Но скажутъ: реализмъ въ искусствѣ—явленіе общечеловѣческое, это литературное направленіе весьма извѣстное и давно установившееся у разныхъ народовъ. Я отвѣчу, что есть реализмъ и реализмъ. У разныхъ народовъ и въ разныя времена онъ обнаруживается различно. У насъ—свой, русскій реализмъ, во многомъ не похожій на реализмъ французскій, англійскій, нѣмецкій и т. д. Въ чемъ же особенность русскаго реализма? Ее нужно искать въ психологическихъ отношеніяхъ поэта къ дѣйствительности, подлежащей реалистическому воспроизведенію, а эти отношенія у насъ глубоко національны и своеобразны. У насъ дѣйствительность есть какъ бы всеобъемлющая стихія, отъ которой нельзя никуда уйти. Мысль можетъ парить надъ ней, но ей нѣтъ прибѣжища; куда бы она ни удалялась, дѣйствительность вездѣ настигнетъ ее. У насъ жизнь и мысль не отдѣлены, не размѣщены въ разныхъ плоскостяхъ, въ силу чего мысль не имѣетъ автономіи и всецѣло подчиняется воздѣйствіямъ жизни. Русскій человѣкъ можетъ взобратся на такую вершину мысли, воспарить за облака, уйти въ утопію, въ секту, но эти вершины, облака, утопіи и секты оказываются въ предѣлахъ той же дѣйствительности. Разстояніе между жизнью и чистой мыслью у насъ невелико, и попытки увеличить это разстояніе оканчиваются неудачей. «Чистая» наука, «чистое» искусство, философія, сама себѣ довлѣющая, все еще у насъ не акклиматизировались и кажутся чѣмъ-то чуждымъ, ненужнымъ, какой-то роскошью...: Въ будущемъ, надо думать, эта особенность, это плѣненіе мысли дѣйствительностью исчезнетъ, но пока это является характерной принадлежностью нашей культуры и вошло какъ видный элементъ въ нашу національную форму и въ частности образуетъ основу нашего реализма. Такъ вотъ, у Толстого эта черта выразилась съ необычайной яркостью, какъ ни у кого другаго изъ нашихъ великихъ людей. Толстой—художникъ-реалистъ именно въ этомъ смыслѣ; Толстой—мыслитель-реалистъ въ этомъ же духѣ. Его религія и мораль, это — одна изъ русскихъ идеологій, и отъ нихъ вѣетъ Русью не меньше, чѣмъ отъ его художественныхъ произведеній... Привилегія геніевъ—давать общечеловѣческіе плоды національнаго творчества, и чѣмъ оно національнѣе, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, производимое имъ въ мировой литературѣ, при условіи, чтобы положительное содержаніе идей было въ согласіи съ завѣтными идеалами человѣчества. Такъ это у Толстого, глубоко-русскаго по духу, по умственному складу, по типу и космополита по идеямъ и идеаламъ. И міръ давно уже сталъ прислушиваться къ его голосу, признавъ его однимъ изъ величайшихъ учителей гуманности; на Западѣ и на Востокѣ его слово властно. Будемъ уповать, что и у насъ на Руси его голосъ не останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Рѣчь П. Н. Милюкова.

Большую рѣчь произноситъ П. Н. Милюковъ. Онъ останавливается главнымъ образомъ на второй половинѣ жизни великаго писателя земли русской, съ одной стороны на его многообразной дѣятельности, которая сдѣлала его универсальнымъ и доступнымъ массѣ населенія. Онъ характеризуетъ его какъ могучаго религіознаго реформатора и обрисовываетъ его крупную роль въ освободительномъ движеніи духовной жизни всего человѣчества и русскаго народа въ частности. П. Н. Милюковъ вспоминаетъ цѣлый рядъ извѣстныхъ случаевъ, изъ которыхъ видно, что у Л. Н. были послѣдователи и въ Англіи, и въ Чикаго, и въ Японіи, и въ Болгаріи, и объясняетъ это странное на первый взглядъ явленіе тѣмъ, что Л. Н. въ сущности продолжалъ въ XIX вѣкѣ дѣло великихъ англійскихъ религіозныхъ реформаторовъ XVII вѣка и продолжалъ его съ необычайной силой и глубиной убѣжденія. Переходя къ сущности тѣхъ взглядовъ, которыми въ это время руководился Л. Н., ораторъ вспоминаетъ, что онъ опредѣлилъ задачи искусства, какъ средства общенія человѣка съ человѣкомъ, какъ путь объединенія для всего человѣчества. Толстой,—говоритъ онъ,—работалъ для всего человѣчества,—онъ стремился къ его объединенію и потому онъ устранилъ изъ своего ученія все, что стѣсняло, ограничивало его въ этомъ стремленіи. Культура, наука исчезаютъ съ его горизонта. Исчезаютъ національныя перегородки, церковныя разграниченія раздвигаются, уничтожается даже самая форма государственности. Разрушивъ все, Толстой поднялся на ту высоту, на которой человѣкъ остается только съ человѣкомъ и совѣсть съ совѣстью и гдѣ имѣютъ значеніе лишь вопросы: какъ жить, для чего жить, чего не дѣлать и т. д. И при этомъ,—подчеркиваетъ ораторъ,—въ стремленіи Л. Н. не было ничего утопическаго. Онъ не проповѣдывалъ никакого абсолюта, его проповѣдь имѣла непосредственное практическое воздѣйствіе. Онъ требовалъ отъ всѣхъ и отъ каждаго сдѣлать хоть что-нибудь, не стоять на одномъ мѣстѣ, а постоянно двигаться впередъ и впередъ по пути къ внутреннему самоусовершенствованію. Это—не творчество отвлеченнаго мышленія, а постоянное требованіе, обращенное къ человѣческой совѣсти. Понятно поэтому, почему Толстой сталъ такъ доступенъ и такъ дорогъ для народной массы, подойти къ которой онъ всячески стремился. Но, освобождая человѣческую мысль отъ всякихъ условностей, Толстой оказался слишкомъ радикаленъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже для Англіи и Америки, и его проповѣдь поэтому имѣла реформаторскій характеръ и въ этихъ странахъ. Человѣческая совѣсть не удовлетворяется больше существующими формами ортодоксальности, и Толстой какъ нельзя больше отвѣчалъ на требованія момента въ этомъ отношеніи, взявъ на себя міровую задачу очистить религіозные взгляды человѣчества и поднять его духовное сознаніе на высшую ступень развитія. Въ Россіи народная мысль уже два вѣка работаетъ въ этомъ направленіи. Толстой является лишь идеальнымъ продолжателемъ того, что начали другіе. Величественный жестъ его кончины понятенъ всѣмъ. Смерть Л. Н. Толстого сблизила всѣхъ съ нимъ, потому что она раскрыла его великое значеніе именно какъ освободителя духовной жизни народа и какъ великаго религіознаго реформатора. Толстой—великій художникъ, мыслитель и писатель, но величайшимъ созданіемъ этого генія была его собственная личность. Жизнь его—прямая дорога. Есть у него противорѣчія, но они похожи на маленькія извилины прямаго пути. И въ личности, и въ словѣ, и въ дѣлѣ, воплотилъ онъ совѣсть русскую. Отъ совѣсти своей и людской онъ требовалъ сознанія своихъ поступковъ. Онъ рѣшалъ просто: прежде всего надо приниматься за дѣло. Въ годины бѣдствій народныхъ, во время голода первый поднялся призывать за помощью голосъ Толстого. Однимъ изъ поводовъ происшедшаго перелома въ Толстомъ было зрѣлище московской бѣдноты. Онъ не разсуждалъ, обращаясь къ своей и чужой совѣсти, а звалъ. Его призывъ всегда былъ искреннимъ и до конца доведеннымъ дѣйствіемъ. Тутъ онъ всталъ передъ вопросомъ объ имуществѣ. О немъ онъ высказалъ слова уже сказанныя, но это было не повтореніе, а переживаніе, которое было не столько убѣдительно, сколько заразительно. Требованіе это онъ предъявилъ въ рѣзкой формѣ. Но вѣдь это—живой идеалъ человѣческаго дѣйствія, поставленный какъ цѣль, и онъ является непреложнымъ, истинно-живымъ и постепенно осуществляющимся. Долгіе годы вставалъ этотъ вопросъ, который и теперь абсолютно не можетъ быть рѣшенъ. Но послѣднимъ своимъ актомъ онъ разрѣшилъ его для себя и вышелъ изъ жизни. Стремленія Толстого живутъ въ сердцахъ народа русскаго. Память о немъ мы понесемъ въ жизнь будущихъ поколѣній вмѣстѣ съ его дѣйственными идеалами, и счастье тому народу, изъ котораго выходятъ праведники, цѣль жизни которыхъ—правда. И пусть эти цѣли будутъ цѣлями русскаго народа.

Засѣданіе заканчивается въ 12 часовъ.

Завѣщаніе Л. Н. Толстого

Въ газетахъ появился рядъ извѣстій о содержаніи завѣщанія Л. Н. Толстого. Всѣ эти извѣстія либо неточны, либо прямо невѣрны (одно изъ такихъ невѣрныхъ извѣстій проскользнуло случайно и у насъ въ телеграммѣ нашего тульскаго корреспондента). Въ настоящее время намъ извѣстно точное содержаніе завѣщанія, но, не имѣя на то разрѣшенія заинтересованныхъ лицъ, мы считаемъ нужнымъ воздержаться пока отъ его опубликованія.

(*Отъ нашихъ корреспондентовъ*).

ТУЛА. Въ Ясную Поляну ежедневно прибываетъ масса депутацій для поклоненія дорогой могилѣ. Преобладаетъ молодежь. Въ домѣ осматриваютъ комнаты, въ которыхъ жилъ и работалъ усопшій. Большинство депутацій заѣзжаютъ къ Черткову, съ которымъ ведутъ продолжительныя бесѣды о жизни и ученіи Льва Николаевича и его послѣднихъ дняхъ.

КАЛУГА. Дума поручила коммиссіи разработать вопросъ объ увѣковѣченіи памяти Л. Н. Толстого. Губернской земской управой и ея служащими послана сочувственная телеграмма графинѣ С. А. Толстой.

ХЕРСОНЪ. Экстренно собравшаяся Дума, почтивъ память Толстого вставаніемъ, постановила телеграфно выразить семьѣ соболѣзнованіе и устроить на окраинѣ города библіотеку имени покойнаго.

СМОЛЕНСКЪ. Всѣ открывающіяся экстренныя уѣздныя земскія собранія почтили память Л. Н. Толстого вставаніемъ и сдѣлали постановленія объ увѣковѣченіи его памяти.

ТУЛА. Въ публичномъ собраніи Общества тульскихъ врачей память Л. Н. Толстого почтена вставаніемъ. Въ залѣ собранія былъ поставленъ обвитый живыми цвѣтами портретъ усопшаго.

КОСТРОМА. Костромское Общество образованія устраиваетъ торжественное собраніе, посвященное памяти Л. Н. Толстого.

КІЕВЪ. Высшія учебныя заведенія прекратили выдачу разрѣшеній на организацію экскурсій въ Ясную Поляну.

Состоявшееся 13-го ноября общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ почтило память Толстого вставаніемъ. Произнесено нѣсколько рѣчей.

СЕВАСТОПОЛЬ. Администрація запретила народныя чтенія о Л. Н. Толстомъ, на которыя раньше было дано разрѣшеніе.

МИНСКЪ. Минская консультація присяжныхъ повѣренныхъ въ общемъ собраніи, почтивъ память Л. Н. Толстого, послала семьѣ Толстыхъ слѣдующую телеграмму: «Глубоко скорбимъ о смерти того, кто не могъ молчать».

СТАВРОПОЛЬ-ГУБ. Толстовскій вечеръ въ театрѣ, ранѣе разрѣшенный и анонсированный расклеенными афишами, въ послѣдній день запрещенъ.

ЮРЬЕВЪ Лифляндской губ. Совѣтъ университета отправилъ гр. С. А. Толстой телеграмму съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу кончины Льва Николаевича, который съ 1902 года состоялъ почетнымъ членомъ юрьевскаго университета. Послана телеграмма и высшими университетскими курсами. Въ университетѣ въ знакъ траура занятія были прерваны на три дня, съ 8-го по 10-е ноября. 9-го ноября въ актовой залѣ университета состоялась вторая гражданская панихида по Л. Н. Толстомъ, привлекшая около 2-хъ тыс. человѣкъ. Послѣ панихиды общестуденческая сходка обсуждала вопросъ объ увѣковѣченіи памяти великаго старца. Рѣшено: 1) предложить совѣту профессоровъ вывѣсить въ актовой залѣ портретъ Льва Николаевича; 2) примкнуть къ организаціи просвѣтительнаго фонда имени покойнаго писателя, для чего войти въ сношенія съ другими студенческими центрами; 3) учредить премію для студентовъ за лучшее сочиненіе по русской литературѣ, необходимые денежные сборы произвести черезъ курсовыхъ старостъ; 4) ежегодно день 7-го ноября посвящать памяти Л. Н. устройствомъ собраній, рефератовъ и т. п. 11-го ноября занятія въ университетѣ и высшихъ курсахъ начались обычнымъ порядкомъ.

ВЛАДИМІРЪ. Учащіеся мѣстныхъ женской и мужской гимназій пробовали присоединиться къ выраженіямъ общаго горя по поводу смерти Л. Н. Толстого. Для нихъ это оказалось однако невозможнымъ. Когда они подали на телеграфной станціи свои телеграммы, то имъ было заявлено, что телеграммы эти могутъ быть приняты только въ томъ случаѣ, если будутъ подписаны начальниками учебныхъ заведеній. Гимназисты отправились къ директору гимназіи съ просьбой поставить подъ текстомъ свою разрѣшительную подпись, но получили отказъ. Тексты этихъ «преступныхъ» телеграммъ таковы: 1) 8-й классъ владимірской земской женской гимназіи присоединяется къ общему народному горю и скорбитъ о потерѣ дорогаго Льва Николаевича. 2) Гимназисты старшихъ классовъ владимірской мужской гимназіи въ тягостномъ молчаніи преклоняютъ колѣна передъ могилой искателя правды, учителя жизни и великаго художника.

Отклики на смерть Л. Н. Толстого.

Изъ *Порѣчья*: «Чрезвычайное порѣчское уѣздное земское собраніе присоединяется къ всеобщей скорби по поводу кончины великаго писателя, борца за правду и учителя жизни Льва Николаевича».

Изъ *Новониколаевска*: «Редакція *Обской Жизни* присоединяется къ скорби родины и всего культурнаго человѣчества, оплакивающаго тяжелую, незамѣнимую утрату апостола любви, величайшаго генія Льва Николаевича Толстого».

Изъ *Тифлиса*: «Редакція органа Общества учителей и учительницъ армянскихъ школъ на Кавказѣ *Нордпроцъ* считаетъ своимъ священнымъ долгомъ выразить чувство глубокой горести по случаю кончины великаго учителя Толстого, на произведеніяхъ котораго воспитывались и воспитываются цѣлыя поколѣнія педагоговъ и учащихся».

Изъ *Москвы*: «Ко всеобщему горю надъ дорогой могилой Л. Н. Толстого присоединяетъ свои чувства глубокой скорби редакція журнала *Психотерапія. Ассатіани, Бернштейнъ, Вырубовъ, Каннабихъ, Осиповъ*».

Изъ *Баку*: «Бакинская адвокатура шлетъ выраженія глубокой скорби по поводу тяжелой утраты, постигшей родину и все человѣчество, лишившееся великаго учителя Льва Николаевича Толстого. Предсѣдатель комитета присяжныхъ повѣренныхъ *Пападжановъ*».

Изъ *Баку*: «Группа балаханскихъ рабочихъ, преклоняясь предъ геніальнымъ художникомъ и мыслителемъ, присоединяетъ свое скорбное чувство къ общей печали всего культурнаго человѣчества. Уполномоченный группою *Петръ Маторинъ*».

Изъ *Цюриха*: «Съ чужбины шлемъ свое глубокое соболѣзнованіе родному краю по поводу утраты имъ великаго художника, непримиримаго врага соціальнаго неравенства и всякаго гнета, по поводу потери того, кто бросилъ свой страстный крикъ протеста «Не могу молчать». *Русская колонія въ Цюрихѣ*».

Кромѣ того редакціей *Русскихъ Вѣдомостей* получены телеграммы и письма.

Изъ *Ахалцыха* отъ учительскаго персонала армянской женской школы; изъ *Вологды* за подписью 77-ми лицъ; изъ *Гришинова* отъ народныхъ учителей села Камара Маріупольскаго уѣзда (6 подписей); изъ *Екатеринослава* отъ екатеринославскаго научнаго Общества; изъ *Иваново-Вознесенска* отъ отдѣла химическихъ производствъ и металлургіи иваново-вознесенскаго отдѣленія русскаго техническаго Общества; изъ *Иркутска* отъ Общества вспомоществованія учащимся бурятамъ; изъ *Казани* отъ студенческаго юридическаго кружка; изъ *Канска* отъ группы ссыльнопоселенцевъ; изъ *Ковна* отъ Общества печатнаго дѣла; изъ *Лукашевки* отъ служащихъ любимовскихъ сахарнаго завода и имѣнія (59 подписей); изъ *Майкопа* отъ Общества народныхъ университетовъ; изъ *Новгородсѣверска* за подписью семи лицъ; изъ *Новочеркасска* отъ комитета безплатной народной библіотеки; изъ *Пудожа* отъ группы административно ссыльныхъ; изъ *Риги* отъ семейнаго собранія; изъ *Севастополя* отъ комитета народной библіотеки; изъ *Уразовой* отъ педагогической коллегіи земскаго реальнаго училища и женской гимназіи; изъ *Харбина* отъ Общества русскихъ оріенталистовъ; изъ *Харькова*: 1) отъ средняго медицинскаго персонала и фармацевтовъ амбулаторной лѣчебницы Общества пособія бѣднымъ евреямъ, 2) отъ служащихъ Чичкина харьковскаго отдѣленія; изъ *Уфы* отъ родительскаго комитета реальнаго училища; изъ *Яренска* отъ политическихъ ссыльныхъ.

На имя семьи Л. Н. Толстого или Черткова посланы слѣдующія телеграммы:

«Правленіе всероссійской Лиги для борьбы съ туберкулезомъ, присоединяясь къ великой скорби всего культурнаго міра, благоговѣйно преклоняется передъ прахомъ великаго художника и учителя жизни».

«Московское профессіональное Общество рабочихъ-мануфактуристовъ выражаетъ свою глубокую печаль по случаю кончины великаго таланта, неутомимаго и смѣлаго разоблачителя и обличителя лжи и насилій нашей жизни и борца противъ смертной казни».

«Чернигівскі украінці висловлюють тяжкий сум по втраті великоі людини, сонця людськоі совісти. Здорженніе *Коцюбинскій, Шрагъ*».

Кромѣ того на имя семьи Л. Н. Толстого посланы телеграммы изъ *Москвы*: отъ Общества взаимной помощи при московскомъ учительскомъ институтѣ, отъ правленія кружка технологовъ московскаго района, отъ санитарнаго отдѣла техническаго Общества; изъ *Нижняго-Новгорода*: отъ присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ; изъ *Казани*: отъ литературнаго студенческаго кружка; изъ *Полотнянаго Завода* (Калужской губ.) за подписью 77-ми лицъ.

На имя Черткова—отъ фельдшеровъ и фельдшерицъ ярославской земской больницы.

Послѣднія извѣстія.

(*Отъ нашихъ корреспондентовъ*).

ПЕТЕРБУРГЪ. Коммиссія по запросамъ приняла сегодня запросы: первый—по поводу неисполненія Высочайшаго повелѣнія о принятіи въ казну Богословской желѣзной дороги и внесенія во 2-й департаментъ Государственнаго Совѣта представленія объ оставленіи этой дороги во владѣніи Богословскаго горнаго Общества, второй—о нарушеніи имущественныхъ правъ казаковъ Уральскаго казачьяго Войска. Начальникъ главнаго управленія казачьихъ войскъ представилъ уже Думѣ свои объясненія по поводу втораго запроса, но они были найдены недостаточно обстоятельными. Отклоненъ запросъ о преподавателѣ кутаисской классической гимназіи Устиновичѣ, который позволилъ себѣ заявить въ классѣ своему ученику, подсказавшему своему товарищу по-грузински: «Не лайте на этомъ животномъ языкѣ». По поводу запроса объ избіеніи и истязаніи 12-ти ссыльныхъ въ Усть-Цыльмѣ Архангельской губерніи архангельскій депутатъ Томиловъ заявилъ, что произведеннымъ имъ на мѣстѣ разслѣдованіемъ фактъ избіенія вполнѣ подтвердился. По словамъ г. Томилова, въ августѣ въ Усть-Цыльмѣ произвелъ разслѣдованіе объ избіеніи ссыльныхъ пріѣхавшій изъ Архангельска членъ губернскаго правленія. Но до его пріѣзда изъ Усть-Цыльмы по распоряженію исправника были высланы тѣ ссыльные, которые могли явиться свидѣтелями въ данномъ дѣлѣ. Въ виду того, что результаты оффиціальнаго разслѣдованія пока неизвѣстны, коммиссія постановила отложить обсужденіе вопроса.

— Въ ночь на 13-е ноября арестованъ по распоряженію охраннаго отдѣленія составъ центральнаго бюро профессіональныхъ союзовъ. Въ ту же ночь по ордеру охраннаго отдѣленія произведены обыски у лицъ, арестованныхъ во время демонстраціи 11-го ноября.

Иностранныя телеграммы.

ВѢНА (*Отъ нашего корреспондента*). Въ первомъ засѣданіи новаго чешскаго клуба, объединившаго всѣ партіи, произошли выборы президента. Собраніе дважды отклонило предложеніе о выборѣ Крамаржа. Президентомъ избранъ Фидлеръ.

Въ германскомъ рейхстагѣ.

БЕРЛИНЪ (*Отъ нашего корреспондента*). Обсужденіе въ рейхстагѣ запроса соціалъ-демократовъ о кенигсбергской рѣчи императора въ присутствіи канцлера и многихъ министровъ началось рѣчью депутата Ледебура, который сказалъ, что обѣщанія, данныя въ ноябрѣ 1908 года, послѣ полуторагодичной паузы, снова нарушены императоромъ, вернувшимся къ абсолютическимъ воззрѣніямъ на свою власть и призваніе. Ораторъ напомнилъ объ единодушномъ обсужденіи въ 1908 году всѣми партіями опасныхъ проявленій личнаго режима. Разбирая историческое происхожденіе прусской императорской короны и коснувшись взглядовъ Императора на условія прочности международнаго міра, ораторъ констатируетъ, что прочность мира гарантируется растущимъ культурнымъ сознаніемъ человѣчества и его великихъ духовныхъ вождей. Здѣсь умѣстно вспомнить,—сказалъ ораторъ,—только-что сошедшаго въ могилу писателя. Толстой извѣдалъ ужасы войны молодымъ человѣкомъ на собственномъ опытѣ. Исторія не знаетъ болѣе пламеннаго противника войны, чѣмъ Толстой. Долгъ чести повелѣваетъ вспомнить въ эту минуту объ этомъ человѣкѣ. Эти слова оратора были выслушаны собраніемъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Послѣ краткаго отчета канцлера, ораторы правой и центра старались отстаивать право личнаго убѣжденія монарха и торжественное происхожденіе его власти, чѣмъ нисколько не задѣваются требованія конституціоннаго строя. Консерваторы не преминули обратиться къ правительству съ требованіемъ исключительныхъ законовъ противъ соціалъ-демократовъ. Давидъ въ своей рѣчи призываетъ всѣ передовые элементы общества къ сплоченной борьбѣ противъ готовящейся концентраціи реакціонеровъ на предстоящихъ выборахъ.

Внутреннія извѣстія.

По телеграфу.

(*Отъ нашихъ корреспондентовъ*).

ЯРОСЛАВЛЬ. По постановленію губернатора редакторъ *Голоса* за перепечатанный разсказъ Л. Н. Толстого «Два закона» оштрафованъ на 300 рублей.

КАЛУГА. По случаю 40-го дня кончины С. А. Муромцева гласнымъ Новосильцевымъ предложено почтить память вставаніемъ. Предсѣдательствовавшій въ Думѣ заявилъ, что не допуститъ обсужденія этого вопроса. Тѣмъ не менѣе большинство гласныхъ встало.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ. Опротестованы губернаторомъ выборы состава княгининской земской управы и смѣты шести уѣздныхъ земствъ.

Показывать въ кинематографахъ похороны Толстого разрѣшено было послѣ полицейской цензуры. Предложено часть сбора отчислить въ пользу раненыхъ въ японской войнѣ.

движеніи стоновъ, — но все это для меня будто что-то такое, что не со мной, а съ кѣмъ-то другимъ, а у меня дни летятъ,—летятъ дни, полные свѣтлыхъ и радостныхъ мгновеній. Счастливое, незабвенное время, котораго больше не переживешь: я творилъ съ неотравленной душой, я творилъ безъ яда сомнѣній».

Такъ началъ Сивачевъ писать, а затѣмъ искать для своихъ разсказовъ помѣщенія. Когда же братья настояли на своемъ и продали домъ, выплативъ Сивачеву сотню или полторы рублей, всталъ и еще вопросъ,—вопросъ объ углѣ для жизни и хлѣбѣ для пропитанія, который тѣсно слился съ вопросомъ о литературѣ. Сивачевъ, недоучившійся и необразованный, чувствовалъ себя литераторомъ по призванію. Чтобы писать, чтобы научиться писать, чтобы развиться и дообразоваться, нуженъ былъ заработокъ. Какой заработокъ возможенъ однако для искалѣченнаго человѣка? Для физическаго труда человѣкъ не годился. Покойнаго мѣста найти не удавалось. Оставался, слѣдовательно, литературный заработокъ. Но это былъ явно порочный кругъ, изъ котораго Сивачевъ самъ выйти не могъ. Кто-нибудь долженъ былъ его вывести,—и этого Сивачевъ ждалъ отъ людей. И не дождался, кажется. Оставалось, слѣдовательно, погибнуть, и удивляюсь я, какъ онъ не погибъ и какъ нашелъ силу не только дотянуть до сегодняшняго дня, но и объявить войну всѣмъ...

О писателяхъ, о редакторахъ у Сивачева, сидѣвшаго въ полуразвалившейся избушкѣ, были наивныя и преувеличенныя представленія. Онъ считалъ этихъ людей «стоящими на горѣ» и свѣтящими и грѣющими, какъ солнце. Къ кому же и обратиться за помощью и совѣтомъ, какъ не къ нимъ, священнослужителямъ слова, учителямъ жизни? И вотъ онъ началъ свои мытарства. Обращаясь къ писателю или въ редакцію, онъ трепеталъ и волновался, и просилъ одного:

— Прочтите, и если плохо, то скажите, чтобы бросилъ писать. Но если есть дарованіе, то поддержите до конца...

Съ такимъ обращеніемъ онъ послалъ свой первый разсказъ въ *Ниву*. Разсказъ вернули, написавъ, что къ «крайнему сожалѣнію, онъ не можетъ быть помѣщенъ».

«Почему къ крайнему сожалѣнію? — спрашивалъ Сивачевъ. — Разсказъ былъ автобіографиченъ: вся мука человѣка моего положенія была въ немъ. Я не дерзалъ надѣяться на обязательный пріемъ своей вещи,—я ждалъ совѣта на свой вопросъ: писать мнѣ дальше или нѣтъ? И могъ быть благодаренъ за слово: «Продолжайте» или «Бросьте». Я долго думалъ надъ отвѣтомъ и рѣшилъ, что разсказъ не читался».

Тогда онъ вновь послалъ его въ *Ниву*, склеивъ кое-гдѣ листочки. Разсказъ вернули съ тѣмъ же стереотипнымъ отвѣтомъ; листочки не были расклеены. Тогда Сивачевъ сжегъ свой разсказъ и вмѣстѣ съ нимъ частицу своей вѣры въ людей, «стоящихъ на горѣ».

Для насъ, стороннихъ людей, очевидно, что Сивачевъ и *Нива* не могли «понять другъ-друга». Въ редакціи посмотрѣли первую страницу и увидали совсѣмъ неопытную руку. Въ корзинку! До трогательной просьбы «поддержать до конца», если есть «дарованіе», и не дочитали. Нѣтъ времени читать все негодное для печати до конца. А въ орловской избушкѣ поэтому въ *человѣкѣ* пошатнулась вѣра въ человѣка.

Съ той же просьбой «поддержать до конца» посылались разсказы въ *Русское Богатство* и *Журналъ Для Всѣхъ*. Получился сухой отвѣтъ: «Ваши вещи не подходятъ»,—такъ по крайней мѣрѣ передаетъ Сивачевъ. И добавляетъ:

«Братья-писатели! Боже мой, какой представлялся чудный міръ: писатель, это — огромное милосердіе, это — великая чуткость. Явись къ нему,—взглянетъ на тебя, и вся твоя душа будетъ у него на-виду, какъ на ладони»...

«Развѣ я прошу чего-либо особеннаго? — думалъ Сивачевъ. — Немногаго прошу, а не могу ни отъ кого добиться. Гдѣ же проповѣдуемая любовь къ ближнему?.. Во мнѣ протестовала какая-то великая правда живаго существа... Чувствовалъ я, что если пропадетъ эта правда, то жизнь моя и жизнь вообще будетъ ужасающей безсмыслицей».

Чтобы выйти изъ этого тупика, Сивачевъ опять запилъ. Отчего не пить?

«Если у тебя тюрьма духа и тѣла въ твоихъ четырехъ стѣнахъ, протестуй сколько хочешь, и никто не услышитъ. Тебѣ позволятъ... свободно позволятъ умирать. Молчи, и никуда не лѣзь»...

Но это былъ лишь временный упадокъ духа. Вѣдь на свѣтѣ былъ еще М. Горькій, самъ вышедшій изъ низовъ. Неужели онъ не поможетъ?

Получивъ свою долю въ наслѣдствѣ, Сивачевъ, узнавая изъ газетъ о передвиженіяхъ Максима Горькаго, началъ гоняться за нимъ по Россіи: поѣхалъ въ Нижній, гдѣ Горькаго не засталъ, и прожилъ свои сотню—полторы рублей; поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ въ концѣ-концовъ послѣ долгаго ожиданія встрѣтилъ его.

Въ этихъ исканіяхъ прошло два года, и эти два года были полны голода, униженій, мыканій по редакціямъ, по литераторамъ и разнообразныхъ жизненныхъ встрѣчъ. Въ двухъ первыхъ выпускахъ своей книги Сивачевъ разсказываетъ о своихъ сношеніяхъ и отношеніяхъ съ двумя нижегородскими редакціями, Е. Н. Чириковымъ, адвокатомъ Яворскимъ, писателемъ А. Ремизовымъ, о. Гр. Петровымъ, критикомъ *Бирж. Вѣд.* г. Измайловымъ, г. Боцяновскимъ, П. И. Вейнбергомъ, Потапенко, *Божьимъ Міромъ*, *Русью* и т. д. Изъ всѣхъ этихъ людей доброе слово нашлось у Сивачева только для П. И. Вейнберга и Потапенко. Всѣхъ остальныхъ... я не скажу, чтобы всѣхъ остальныхъ онъ облилъ грязью. Я увѣренъ, что, рисуя всѣхъ этихъ людей въ черныхъ краскахъ, Сивачевъ субъективно-правдивъ. Эти люди и эти встрѣчи такъ именно отразились въ его умѣ и памяти и оставили въ немъ чувство обиды, униженія, негодованія и злобы. Чего искалъ онъ? Искалъ человѣка, который «поддержалъ бы его до конца»; искалъ возможности жить, писать и печатать то, что неудержимо стремилось въ немъ найти своего выразителя и въ то же время выразителя всѣхъ глубокихъ страданій униженныхъ. Сивачевъ чувствовалъ въ себѣ дарованіе. И дарованіе это,—съ оговорками, правда,—но признавали въ немъ и г. Измайловъ, и о. Гр. Петровъ: «Пишите, пишите», — ободрялъ его онъ и М. Горькій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сивачевъ хотѣлъ осуществить свое «право на жизнь»,—осуществить путемъ литературнаго заработка, единственнаго оставшагося у него рессурса. Наконецъ, онъ чувствовалъ, что въ писаніяхъ его есть большое и важное содержаніе. Съ нечеловѣческой энергіей стучался онъ во всѣ двери, ко всѣмъ тѣмъ, кого онъ считалъ солью земли. Двери иногда пріотворялись, но «пристроить» ни самого Сивачева, ни его разсказовъ не удалось.

Какъ я говорилъ уже выше, беллетристика Сивачева была мало литературна и часто безграмотна. Не печатать его надо было, а пристроить къ какому-нибудь немудреному дѣлу, дать больному человѣку сухую и теплую комнату и кусокъ хлѣба, возможность учиться и выработаться, можетъ-быть, въ недурнаго писателя. Но взять на себя такую обузу никто не могъ или не захотѣлъ. И потому хлопотали, интересовались, помогали деньгами, сколько могли, потомъ иногда забывали, иногда отдавались другимъ заботамъ, вообще покидали Сивачева. Это естественно и обычно. Но даже такъ поступали далеко не всѣ. Въ редакціяхъ газетъ и журналовъ просто смотрѣли на вещь и, какъ негодную и почему-либо неподходящую, откладывали въ сторону и возвращали, не интересуясь авторомъ. Это тоже естественно. Но бѣдный авторъ, конечно, не могъ мириться съ этой естественностью. Остановимся, напримѣръ, на минуту на его посѣщеніи *Міра Божьяго*. Онъ не ѣлъ два дня, приберегая послѣдній двугривенный на койку. Въ ожиданіи пріемнаго дня и сберегая силы, онъ два дня эти лежалъ на койкѣ въ сырой и холодной конурѣ, глядя въ окно на брандмауэръ, загораживавшій отъ него весь міръ и свѣтъ солнца,—на брандмауэръ, эмблему той непроходимой стѣны, о которую онъ бился всю жизнь. Наконецъ, вотъ и пріемный день, «кончился искусъ, я ѣду и удивляюсь: есть большая слабость, ощутимая легкость тѣла, но въ общемъ самочувствіе удовлетворительное». Въ редакцію онъ однако опоздалъ, всѣ уже расходятся, и ему наскоро суютъ его рукопись. Тотъ, кто отдаетъ, не знаетъ даже, была ли она прочитана. Шатаясь вышелъ Сивачевъ на улицу. Потомъ прижался къ стѣнѣ дома и стоялъ. Стоялъ и думалъ, и вспоминалъ. Вспоминалъ сытыхъ людей, которыхъ видѣлъ, и чай, который стоялъ на столѣ. Небрежный отказъ и «навѣрное» непрочитанную рукопись свою,—портфель редакціи переполненъ, сказали ему. И, вспоминая этотъ ужасный для него часъ, онъ пишетъ теперь:

«Пророки нашего времени безмолвны, они изжили себя. Это — «пророки» въ ковычкахъ... Мы—дѣти безмолвнаго вѣка».

Усвоивъ это положеніе,—а усвоить его у Сивачева было достаточно основаній, — онъ предустановилъ свой взглядъ на людей. И что бы они ни дѣлали, толковалось теперь Сивачевымъ какъ улика противъ нихъ, какъ изобличеніе ихъ «безлюбовности», ихъ фальшивыхъ добродѣтелей.

Все ставилъ онъ имъ теперь на счетъ, во всемъ видѣлъ проявленіе душевной сухости, вздорности, жадности, себялюбія, глубокаго равнодушія къ гибнущимъ. Милостыня, которую они подавали, оскорбляла его; поддержка,—но не «до конца»,—вызывала презрѣніе и ненависть; и озлобленный умъ подсказывалъ объясненія и создавалъ образы людей, вѣроятно, не соотвѣтствовавшіе подлинникамъ, но дававшіе удовлетвореніе обиженному и оскорбленному чувству гибнувшаго Сивачева. И совсѣмъ не надо удивляться, что, встрѣтившись съ однимъ литераторомъ, съ которымъ онъ когда-то пропагандировалъ соціализмъ въ какомъ-то уѣздномъ городѣ, онъ, получивъ отказъ помѣстить разсказъ въ *Новомъ Пути*, получивъ отказъ одолжить десять рублей,—хотѣлъ закатить пощечину.

Теперь своей книгой Сивачевъ закатываетъ эту пощечину не только этому литератору, но и всѣмъ, съ кѣмъ видѣлся и въ чьи двери стучался, всѣмъ «пророкамъ» въ ковычкахъ, всѣмъ, про кого онъ чувствуетъ, что они «лгутъ». Книга эта—крикъ раненнаго и растянутаго, какъ онъ говоритъ, на прокрустовомъ ложѣ человѣка,—и именно поэтому она—не пасквиль. Не пасквиль она еще и потому, что люди, которыхъ она шельмуетъ,—лишь иллюстрація. Ими Сивачевъ лишь иллюстрируетъ жизнь и отборъ человѣчества, интеллигенцію.

Сивачевъ не поскупился на обвиненія и, формулируя ихъ въ одномъ словѣ, обзываетъ интеллигенцію словомъ: «тать въ нощи».

Почему «тать въ нощи»? Потому, что «въ тишинѣ мучительныхъ ночей» Сивачевъ ясно сознавалъ, что «принесъ людямъ нѣчто большое и положительное, то безконечно цѣнное, что жаждетъ жизни и человѣка и вѣритъ въ жизнь и человѣка свѣтлой душой, не растлѣнной еще человѣконенавистничествомъ и жестокосердіемъ». А люди дали ему «большое отрицательное», отняли его вѣру, ожесточили и бросили умирать при дорогѣ. Какъ же не возненавидѣть ихъ?

—

Оставимъ теперь книгу Сивачева въ покоѣ. Мы видимъ, что она увела насъ за предѣлы литературы, увела въ жизнь, гдѣ тысячи, быть-можетъ, милліоны людей съ проснувшейся жаждой полнаго и облагороженнаго существованія, людей, придавленныхъ нищетой, невѣжествомъ, скудостью и жестокостью существованія, стучатся въ двери нашей культуры, просятъ хлѣба, и получаютъ камень. Пусть Сивачевъ объективно неправъ. Пусть во всѣхъ его многочисленныхъ неудачахъ виноваты обстоятельства, недостатокъ его знаній и его таланта и еще тысячи различныхъ причинъ. Субъективно онъ имѣетъ однако право считать нашу культуру «маленькой, черненькой и востренькой, какъ смертный грѣхъ», и ненавидѣть и ее, и всѣхъ тѣхъ, кто несетъ на себѣ за нее отвѣтственность. И онъ ненавидитъ,—и этотъ фактъ—существеннѣе и значительнѣе, чѣмъ вопросъ о томъ, кто правъ въ этомъ спорѣ.

Бѣлоруссовъ.

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ

XLVIII. № 263 ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14 НОЯБРЯ 1910 г. № 263 ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14 НОЯБРЯ 1910 г. XLVIII.

Въ этомъ № восемь страницъ.

На основаніи ст. 15-й Положенія о мѣрахъ охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прил. I къ ст. 1-й (прим. 2-е) Уст. о пред. и пресѣч. прест. Св. Зак. т. XIV, изд. 1890 г.) московскимъ градоначальникомъ изданы нижеслѣдующія обязательныя постановленія, распространяющія свое дѣйствіе на территорію гор. Москвы и тѣхъ пригородныхъ участковъ, которые въ полицейскомъ отношеніи подчинены московскому градоначальнику.

Настоящія постановленія вступаютъ въ силу со дня ихъ опубликованія въ «Вѣдомостяхъ Московскаго Градоначальства и Столичной Полиціи».

1. О сборищахъ и собраніяхъ.

Воспрещаются всякаго рода скопища и собранія для совѣщаній и дѣйствій, противныхъ государственному порядку и общественному спокойствію, а также всякаго рода уличныя демонстраціи и манифестаціи.

2. Объ исполненіи требованій полиціи, направленныхъ къ огражденію внѣшняго порядка.

1) Требованія чиновъ полиціи, предъявляемыя въ цѣляхъ недопущенія на улицахъ и вообще въ публичныхъ мѣстахъ какихъ-либо скопленій публики, а равно охраненія и возстановленія порядка въ указанныхъ выше мѣстахъ, подлежатъ немедленному исполненію.

2) Воспрещается пѣніе революціонныхъ пѣсенъ и подстрекательство ко всякаго рода безпорядкамъ, клонящимся къ нарушенію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

3) Воспрещается вмѣшиваться въ дѣйствія и распоряженія полиціи и воинскихъ чиновъ при исполненіи ими своихъ служебныхъ обязанностей.

4) Воспрещаются демонстративно-дерзкія выходки по отношенію къ чинамъ войска и полиціи.

Лица, кои окажутся виновными въ неисполненіи или нарушеніи сихъ обязательныхъ постановленій, подвергаются въ административномъ порядкѣ штрафу до 500 рублей или аресту до трехъ мѣсяцевъ.

Московскій градоначальникъ генералъ-майоръ АДРІАНОВЪ.

Ноября 12-го дня 1910 г.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

ГОДЪ 48-й.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОРОДА: на 12 мѣс. 11 р., на 6 мѣс. 6 р., на 3 мѣс. 3 р. 50 к. и на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

ВЪ МОСКВѢ: на 12 мѣс. 10 р., на 6 мѣс. 5 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 р. и на 1 мѣс. 1 р.

ЗА ГРАНИЦУ: на 12 мѣс. 18 р., на 6 мѣс. 9 р., на 3 мѣс. 4 р. 80 к. и на 1 мѣс. 1 р. 90 к.

Подписка на настоящій 1910 г. съ будущимъ 1911 не сливается.

Потомственный почетный гражданинъ

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ БАРЫШНИКОВЪ

волею Божіею послѣ продолжительной тяжкой болѣзни тихо скончался въ 2½ ч. дня 13-го ноября, о чемъ убитые горемъ жена, дѣти и зятья извѣщаютъ родныхъ и знакомыхъ. Панихиды совершаются въ квартирѣ покойнаго (Лубянская площ., д. О-ва „Россія“, кв. 3) въ 12 ч. дня и 8 ч. веч. О днѣ погребенія будетъ объявлено особо. Воля покойнаго—вѣнковъ не возлагать.

Правленіе товарищества Стодольской суконной фабрики

Василія Барышникова Сыновей

извѣщаетъ о кончинѣ своего директора-распорядителя

ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БАРЫШНИКОВА,

послѣдовавшей 13-го ноября, въ 2½ часа дня. Панихиды совершаются въ 12 час. дня и 8 час. веч. О днѣ погребенія будетъ объявлено особо. Воля покойнаго—вѣнковъ не возлагать.

Служащіе московскаго склада Товарищества

ВАСИЛІЯ БАРЫШНИКОВА СЫНОВЕЙ

съ глубокою скорбью извѣщаютъ о кончинѣ глубокоуважаемаго и незабвеннаго директора-распорядителя Товарищества

ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БАРЫШНИКОВА,

послѣдовавшей 13-го ноября сего года.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПОХОРОННОЕ

А. П. АЛЕКСАНДРОВА. БЮРО

у Страстнаго монастыря. Тел. 2-17 и 203-30.

ГРАФИНЯ

АННА АЛЕКСѢЕВНА ВАСИЛЬЕВА-ШИЛОВСКАЯ

тихо скончалась 13-го сего ноября, въ 7½ час. утра. Панихиды—въ 2 часа дня и 8½ час. вечера (М. Дмитровка, собств. домъ). Выносъ—въ 9½ ч. утра въ понедѣльникъ, 15-го ноября. Литургія и отпѣваніе—въ церкви Рождества въ Путинкахъ. Погребеніе — на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

PHYLLIS CAZALET

died at Химки on Saturday, the 13-th November. The funeral will be at the Vedensky Cemetery on Tuesday, 16-th November, at 2 p. m.

ФИЛЛИСЬ ВАСИЛЬЕВНА КАЗАЛЕТЪ

скончалась 13-го ноября въ Химкахъ. Похоронная служба будетъ во вторникъ, 16-го ноября, въ 2 часа дня, на Введенскомъ кладбищѣ,

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 г. (42-й годъ изданія)

НИВА

Еженедѣльный иллюстриров. журналъ со многими приложеніями.

Подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1911 года:

52 №№ еженедѣльнаго художеств.-литературн. журн. „НИВА“: романы, повѣсти и разсказы; снимки съ картинъ и гравюръ, рисунки, фотоэтюды и иллюстраціи соврем. событій.

12 листовъ рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, выпильн. работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натур. величину.

12 №№ „Парижскихъ модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

52 книги, отпечатанныя компактнымъ, четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдетъ:

12 книгъ ежемѣсячнаго журнала „Литерат. и популярно-научн. приложенія“: романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и игръ.

1 отрывной (ежемѣсячный) календарь на 1911 г.

дополнительныя 12 книгъ къ полному собранію сочиненій Ант. П. Чехова. То, что получатъ наши подписчики на 1911 годъ, представляетъ большое литературное наслѣдіе:—*болѣе трехсотъ разсказовъ Чехова*, отдѣльно не изданныхъ и обнимающихъ собою значительный періодъ его творческой дѣятельности. Намъ удалось найти все это послѣ многихъ лѣтъ неустанныхъ тщательныхъ поисковъ, и подписчики „Нивы“ на 1911 годъ, прибавивъ ихъ къ „Собранію сочиненій Чехова“, данному „Нивой“ въ 1903 году, будутъ имѣть дѣйствительно „Полное собраніе сочиненій Чехова“.

остальныя 20 книгъ Полнаго собранія сочиненій А. Ѳ. Писемскаго. Въ эту вторую часть „Полнаго Собранія Сочиненій“ А. Ѳ. Писемскаго войдутъ его знаменитые, большіе романы: „Люди сороковыхъ годовъ“, „Въ водоворотѣ“, „Массоны“ и драматическія произведенія, среди которыхъ особенно извѣстны: „Горькая судьбина“, украшеніе и гордость русской сцены, „Самоуправцы“, „Ваалъ“, „Финансовый геній“ и др.

Полное собраніе сочиненій въ 8 книгахъ Льва Алекс. Мея. Мей, давшій русской поэзіи „Царскую невѣсту“ и „Псковитянку“, давно уже поставленъ критикой рядомъ съ великими авторами „Бориса Годунова“ и „Смерти Іоанна Грознаго“. Знаніе народной русской жизни, сокровенныхъ ея началъ и завѣтныхъ вѣрованій народа ярко сказалось и въ его поэмахъ, былинахъ и пѣсняхъ, а также въ его повѣстяхъ и разсказахъ. Владѣя въ совершенствѣ стихомъ, Мей на ряду со своими оригинальными произведеніями создалъ на русскомъ языкѣ цѣлую переводную литературу лучшихъ образцовъ мировой поэзіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми прилож. на годъ: въ С.-Петербургѣ: безъ доставки—6 р. 50 к., съ доставкой—7 р. 50 к. Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской—7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—7 р. 50 к. Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи . . . 8 р. За границу—12 р.

Подписчики „Нивы“ 1911 г., желающіе получить также первыя 18 книгъ соч. Писемскаго за 1910 г., доплачиваютъ: 1) Безъ доставки: въ СПБ.—2 руб., въ Москвѣ и Одессѣ—2 р. 25 к.; 2) Съ дост. и перес. во всѣ мѣста Россіи—2 р. 50 к.; 3) За границу—3 руб., а тѣ подписчики, желающіе получить первые 16 томовъ соч. Чехова за 1903 г., доплачиваютъ: 1) Безъ доставки: въ СПБ.—4 руб., въ Москвѣ и Одессѣ—4 р. 25 к.; 2) Съ дост. и перес. во всѣ мѣста Россіи—4 р. 50 к.; 3) За границу—5 руб.

Разсрочка платежа за „Ниву“ и за книги Чехова 1903 г. и Писемскаго 1910 г.—въ 2, 3 и 4 срока.

При каждомъ № „Нивы“ подписчики получатъ по одной книгѣ, всего въ годъ 52 книги.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журн. „НИВА“, ул. Гоголя, 22.

От учебнаго комитета

ХАРЬКОВСКАГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

Согласно § 60 Устава харьковскаго Технологическаго института Императора Александра III, объявляется конкурсъ на замѣщеніе при институтѣ вакантной каѳедры неорганической химіи. Лица, желающія выступить кандидатами на означенную каѳедру благоволятъ присылать на имя директора института, до 1-го декабря сего года, соотвѣтствующія заявленія съ приложеніемъ научныхъ трудовъ и curriculum vitae. Въ силу § 56 Устава института профессоры и адъюнктъ-профессоры химіи должны имѣть ученую степень, первые—доктора, а вторые—магистра, лица же, не имѣющія ученой степени, могутъ занимать лишь должность преподавателя. 20608

Директоръ института *П. Мухачевъ.*

ЗАГОРОДНЫЙ ПАНСІОН

С. Е. ФИДЛЕР желающимъ отдохнуть предл. хор. меблир. комнаты, полный пансіон. Ст. Быково М.-Казанск. ж. д., 1 ч. ѣзды по ж. д., 15 м. ходу отъ ст. Подр.: Смоленскій бульвар, Глазовскій пер., д. 5, кв. 14. 94806

20551

БѢЛАЯ РЯБИНА

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

ИВАНА СМИРНОВА С-ЬЯ

Существуетъ съ 1827 года.

ВОДОЧНЫЙ и ЛИКЕРНЫЙ ЗАВОДЫ и КОНЬЯЧНЫЙ

центральный складъ въ Москвѣ.

СОБСТВЕННОЕ ВИНОДѢЛІЕ НА КАВКАЗѢ ПРИ *г. Петровскъ-Портъ.*

Адресъ для писемъ: МОСКВА, Варварка.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ

„ВЪ ПАМЯТЬ Л. Н. ТОЛСТОГО.“

Умеръ Толстой! Погасъ свѣточъ, озарявшій весь міръ! Въ такія скорбныя минуты является неопредолимымъ желаніемъ собрать во-едино все, что намъ всегда напоминало бы о немъ. Это вполнѣ естественное желаніе имѣть въ одной книгѣ наглядную, такъ-сказать, біографію **ВЕЛИКАГО ПИСАТЕЛЯ ЗЕМЛИ РУССКОЙ,** подводящую итогъ всей его жизни, заставило насъ предпринять изданіе громаднаго роскошнаго альбома, гдѣ будутъ воспроизведены всѣ изображенія великаго старца.

Здѣсь прежде всего будутъ помѣщены:

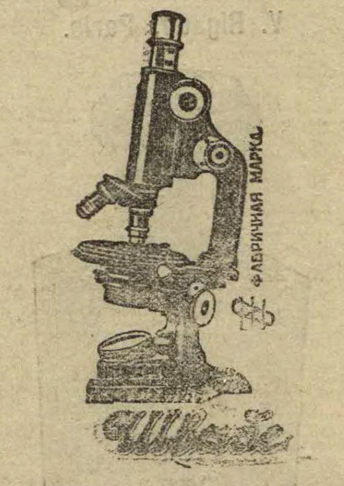
1) Виды мѣстностей, такъ или иначе соприкасающіяся съ Толстымъ.
2) Фотографіи какъ его самого, такъ и семьи и его друзей.
3) Снимки съ картинъ художн. какъ Рѣпинъ, Пастернакъ, Ге, Ярошенко и др.
4) Гравюры, офорты, литографіи и другія изображенія его.
5) Скульптурныя произведенія.
6) Иллюстраціи художниковъ къ произведеніямъ Толстого.
7) Снимки съ постановокъ на сценахъ безсмертныхъ его произведеній.
8) Каррикатуры о Толстомъ.
9) Автографъ Толстого и снимки съ первыхъ и рѣдкихъ его произведеній и т. д.

Выпускаемый альбомъ въ изданіи **художественной фототипіи К. А. Фишеръ** будетъ вмѣщать 600—700 снимковъ и выйдетъ въ 3-хъ выпускахъ большаго формата.

На это изданіе открыта подписка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 3 рубля, при выходѣ перваго выпуска—2 р. 50 к.; при выходѣ втораго—2 р. 50 к., а третій выпускъ выдается безплатно. Подписка принимается **только** у издателя **К. А. Фишеръ,** Москва, Кузнецкій Мостъ, № 15.

Время выхода I выпуска въ концѣ декабря сего года, II выпуска—въ февралѣ и III выпуска—въ апрѣлѣ 1911 года. По выходѣ I выпуска подписка прекратится и все изданіе затѣмъ будетъ стоить, вмѣсто 8 руб.—10 руб.

Нѣтъ надобности доказывать, что этотъ альбомъ будетъ пріятнымъ воспоминаніемъ каждому почитателю Л. Н. Толстого. Въ отношеніи же полноты иллюстраціоннаго матеріала альбомъ будетъ чрезвычайно богатымъ, такъ какъ сюда войдутъ всѣ снимки, очень полнаго собранія библіографа **Юрія Битовта,** собиравшаго свыше 15-ти лѣтъ все относящееся къ Толстому. Этимъ же библіографомъ будетъ составленъ пояснительный текстъ ко всѣмъ снимкамъ, который будетъ печататься на русскомъ, французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.



Широкая освѣдомленность научной техники.

Высокое качество.

Абсолютная точность. 18703

Безукоризненное исполненіе.

Единственная по спеціальности производства фабрика въ Россіи.

Кузнецкій Мостъ, 18.

Доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что въ газетной экспедиціи московскаго почтамта

открыта подписка на иностранныя періодическія изданія

2071

на 1911 годъ. Иногородніе подписчики деньги на выписку изданій адресуютъ непосредственно въ газетную экспедицію.

ХИМИКО-БАКТЕРІОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ Доктора медицины В. М. ДАНЧАКОВОЙ,

Телеф. 176-10.

Никитскій бульв. (у Арбатской площади), д. 10. Чистяковой.

Медицинскіе клиническіе анализы мокроты, крови, мочи, молока, желудочнаго содержимаго и пр. Изслѣдованіе крови по **Вассерману** при сифилисѣ. Бактеріоскопическія и бактеріологическія изслѣдованія крови, волосъ, выдѣленій и т. п. Патолого-анатомическія изслѣдованія опухолей. 94582—66941

ПАЛЬТО ДЛЯ АВТОМОБИЛИСТОВЪ. 94983

М. и И. МАНДЛЬ,

ТВЕРСКАЯ. ПЕТРОВКА.

Уроки художественныхъ вышивокъ и композиціи рисунковъ (воскр. и веч. зан.) Гладковой и Гаттенбергеръ (оконч. Строг. худ. уч.). Ст. Божедомка, д. Хрущевой, кв. 8. Телеф. 262-59. Ост. тр. 2, 7, 8, 20.

ВРАЧЪ (нѣмецъ), спеціалистъ по хирургическимъ, мочеполовымъ, сифилису, венерическимъ и кожнымъ бол., знающій также хорошо внутреннія и нервныя бол. (электротерапію и всѣ физическіе методы лѣченія), съ 18-тилѣтней практикой, ищетъ подходящее мѣсто при больницѣ или въ земствѣ. Адресовать: Тифлисъ, у памятника кн. Воронцову, доктору К. С. И. 94991

Лучшее средство противъ малокровія и упадка силъ 95010

МЯСНОЙ СОКЪ

(фильтръ Беркефельда). Гигіеническая лабораторія питательныхъ веществъ, Москва, Арбатъ, д. 6, уг. Годеинскаго п. Тел. 49-99.

Ежедн. свѣжій мясной сокъ.. 1 унц. 15 к.
Мясной сокъ въ порошкѣ 1 унц. 2 р. — к.
Мясной порошокъ........1 фун. 1 р. 50 к.
Мясной порошокъ........1 фун. 5 р. — к.
Пептонъ-бульонъ.......... 1 унц. 15 к.
Кефиръ изъ кипяч. молока......... 15 к.
Мечниковская простокваша .... 10 и 20 к.

Безплатная доставка на домъ.

ПРОДАЮТСЯ: РОТОНДА лис., собол. шалью, стар. СКРИПКА, ГРАВЮРЫ, КРУЖЕВА. Рѣдк. вещи слоновой кости, черепахов. мозаика, посуда, вышивки шелкомъ. Екат. паркъ, Нов. Божедомка, д. Сергѣевой, кв. 1, отъ 12 до 3 час. ежедневно. 94935

БѢЛЫЕ ЗУБЫ КРѢПКІЕ ЗУБЫ ЗДОРОВЫЕ ЗУБЫ сохранятъ надолго всѣ употребляющіе знаменитую глицериновую пасту. PÂTE DENTIFRICE, GELLÉ FRÈRES въ Парижѣ. *Требуйте вездѣ.* 20170

Книжный магазинъ К. Л. РИККЕРЪ, Спб., *Невскій пр., 14. Телеф. 7-76.* Только-что вышелъ и высылается безплатно 9255 КАТАЛОГЪ ЖУРНАЛОВЪ на 1911 годъ.

Д. З. САРАДЖЕВЪ ТИФЛИСЪ.

КАВКАЗСКІЙ НАТУРАЛЬНЫЙ КОНЬЯКЪ 95015

Въ Пятигорскѣ,

въ центрѣ города, сдается въ аренду

ГОСТИННИЦА,

въ 111 роскошно отдѣланныхъ нумеровъ съ центральнымъ отопленіемъ и электрическимъ освѣщеніемъ. За справкой обращаться: письменно подъ лит. Л. М. въ контору объявленій Н. П. Гольдина, Москва, Тверская, д. 38 95016

ОБЩЕСТВО РУССКИХЪ ХИРУРГОВЪ въ МОСКВѢ 156-е очередное засѣданіе Общества имѣетъ быть въ понедѣльникъ, 15-го ноября 1910 г., въ 8 ч. веч., **въ аудиторіи Ново-Екатерининской больницы (Страстной бульв., ходъ со двора).** Всѣ засѣданія Общества публичны.

Предметы засѣданія:

1. *А. К. Нечаева-Дьяконова.* Къ вопросу о паталого-анатомическихъ измѣненіяхъ при бугорчаткѣ колѣннаго сустава.
2. *П. П. Дьяконовъ.* Значеніе толстаго кишечника съ точки зрѣнія филогенетическаго развитія его.
3. *Г. Л. Гаръ.* Хирургическая дѣятельность дмитровской земской б-цы съ 1907 по 1910 год. 94998
4. Выборы въ дѣйств. чл. О-ва К. Г. Хрущова.

ХИРУРГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ МОСКВѢ.

Во вторникъ, 16-го ноября 1910 г., въ 8 час. веч., въ кругломъ залѣ правленія университета имѣетъ быть 530-е очередное засѣданіе Хирургическаго Общества. (Засѣданія публичны).

ПРОГРАММА ЗАСѢДАНІЯ.

1) **В. М. Минцъ.** Прямое подкожное повреждение почки и печени. (Демонстрація больного).
2) **Н. М. Кронъ.** Случай резекціи печени.
3) **П. А. Герценъ.** Объ артеріо-венозныхъ аневризмахъ и ихъ леченіи.
3) **Н. Г. Пономаревъ.** Къ вопросу о тетаніи при хроническомъ расширеніи желудка. 20704

Въ воскресенье, 14-го ноября, въ 2 ч. дня, въ залѣ Земледѣльческой школы (*Смоленскій бульваръ, 55*) имѣетъ быть очередное собраніе **Общества взаимнаго вспоможенія бывшихъ воспитанниковъ среднихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній.**

Предметы засѣданія.

1) О комнатѣ для пріѣзжающихъ членовъ.
2) Объ измѣненіи устава.
3) Объ устройствѣ пріюта.
4) О курсахъ для агрономовъ.
5) Заявленія и доклады гг. членовъ.
6) Текущія дѣла. — 20706

Въ понедѣльникъ, 15-го ноября сего 1910 года, имѣетъ быть обыкновенное собраніе членовъ **МОСКОВСКАГО ЛѢСНОГО ОБЩЕСТВА,** въ 7 час. вечера, въ Политехническомъ музеѣ.

Предметы занятій:

1. Сообщеніе **Р. П. Спарро:** «Къ вопросу о постановкѣ изслѣдованій роста болотъ».
2. Сообщеніе **В. И. Станкевича:** «Объ особенностяхъ устройства лѣсовъ горнаго Крыма». 94923

Во вторникъ, 16-го ноября с. г., въ 8 часовъ вечера, въ аудиторіи Физіологическаго института состоится соединенное засѣданіе физико-медицинскаго Общества и физико-терапевтическаго Общества.

ПРЕДМЕТЫ ЗАСѢДАНІЯ.

1) Сообщеніе **Е. Р. Шпиткина:** „606“ на 82-омъ съѣздѣ нѣмецкихъ натуралистовъ и врачей въ Кенигсбергѣ“.
2) Пренія по докладамъ: а) П. А. Павлова „Изъ клиническихъ наблюденій надъ дѣйствіемъ „606“ у сифилитиковъ“; б) М. М. Бременера „Опыты лѣченія сифилиса препаратомъ Эрлиха „606“; г) О. И. Бронштейна „О хемотерапіи Эрлиха съ точки зрѣнія современной бактеріологіи“. 20669

Московскій Политехническій Кружокъ (*Мясницкая, М. Харитоньевскій пер., 4*). Въ понедѣльникъ, 15-го ноября,

„СЕМЕЙНЫЙ ВЕЧЕРЪ“

съ участіемъ членовъ О-ва имени Островскаго. Начало въ 8½ час. вечера. ◆ **ТАНЦЫ до 3-хъ час. ночи.** ◆

Издательство Т-ва А. А. Левенсонъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ новыя изданія:

1) **„ВСѢ ТЕАТРЫ“.** Художественно-иллюстрированный альбомъ съ портретами артистовъ, планами московскихъ театровъ и текстомъ. Цѣна 1 руб. 9320

2) **„БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ на сценѣ Художественнаго театра“.** Цѣна 50 коп.

3) **„Л. Н. ТОЛСТОЙ“.** Портретъ. Форм. 12×16 верш. Цѣна 50 коп.

Складъ изданій въ магазинѣ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, *Кузнецкій пер., д. Соколъ.* Телефонъ 7-29.

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества».

Поступило въ продажу новое изданіе:

В. ЛУКЬЯНСКАЯ.

„ДРУГЪ ЖИВОТНЫХЪ“. Часть 2-я. Выпускъ 2-й. Жизнь въ лѣсу. Со множествомъ рисунковъ. Ц. 1 р. 30 к., въ папкѣ 1 р. 50 к. Продается въ книжн. маг. „Посредникъ“ (Москва, Петровскія линіи) и во всѣхъ знач. книжн. маг. Выписывать отъ издательства: Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, И. И. Горбунову. Подробный каталогъ издательства по требованію высылается безплатно. 20707

Новая книга:

Краткій курсъ микроскопической техники

д-ра С. С. Чашина, асс. психоневрол. института.

XII+111 стр. съ 60 рис. СПБ. 1910. Ц. 75 к. Въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Выпис. отъ автора (С.-пб., Б. Сампсоніевскій пр., д. 16) за пересылку не платятъ. 95012

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ ПОВѢСТЬ

А. В. Тарковой (А. Верихскаго)

„НОЧЬЮ“.

Цѣна **одинъ** руб. 20714

Складъ изданія въ товариществѣ „Общественная польза“, С.-Петербургъ.

Спеціальная ГЛАЗНАЯ лѣчебница д-ра медиц. Кадинскаго.

Тверская, 63. Телеф. 69-70.

ПРІЕМЪ ЕЖЕДНЕВНО 10—2 и 5—7.

Лѣчебница снабжена новѣйшими научными аппаратами для подбора очковъ и для распознаванія болѣзней глазъ. Стаціонарное отдѣленіе для оперативныхъ больныхъ (снятіе катаракта, операц. противъ глаукомы и пр.) и для лѣченія. 20100